

ДОМ БЕЗ СВЯЗИ

ДАНИИЛ ОРЛОВ

Даниил Орлов

Дом без связи

<https://litres.ru/74653058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Школьный психолог Марина Лаврова слышит на приёме опасную тайну: ученик помог установить скрытые камеры в загородном доме и случайно узнал о плане подстроить исчезновение её тринадцатилетней племянницы. Но подросток просит молчать — влиятельный заказчик способен лишить его мать работы.

Когда Марина приезжает с Соней в опустевший дом сестры, пропадает связь, ворота блокируются, а в комнатах появляются подложенные лекарства и записи старой семейной ссоры. Бывший муж Марины требует передать ему девочку и превращает каждую попытку спасения в доказательство ненадёжности опекуна. Чтобы выбраться, Марине придётся признать собственную ложь, не присвоить чужую тайну и отказаться от идеальной улики, когда цена за неё — безопасность Сони.

«Дом без связи» — психологический триллер о контроле, памяти и доверии, которое начинается с права другого человека говорить за себя.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Последний приём	5
Глава 2. Дом сестры	20
Глава 3. Связь у ворот	36
Глава 4. Чужой список	55
Глава 5. Камера в часах	81
Глава 6. Машина за снегом	103
Глава 7. Запись о панике	121
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Даниил Орлов

Дом без связи

От автора

Дом кажется безопасным, пока дверь можно открыть, по телефону можно позвать помощь, а дорога остаётся дорогой. Если эти вещи исчезают по одной, осторожность легко назвать паникой, попытку выбраться — бегством, защиту ребёнка — стремлением его спрятать.

Эта история не о безошибочном взрослом. Марина уже солгала там, где должна была попросить помощи, и потому чужая версия звучит убедительно. Ей предстоит не доказать свою идеальность, а отделить ответственность от подстроженных обвинений и не распоряжаться голосами тех, кого она хочет защитить.

Здесь важны обычные вещи: топливо, бумажная накладная, след шины, право подростка не повторять подсказанные слова. Они удерживают правду, когда связь пропадает.

Глава 1. Последний приём

Егор Савин пришёл, когда Марина уже выключила настольную лампу.

В коридоре второго этажа погасла половина света. Уборщица гремела ведром у лестницы, в раздевалке хлопали последние дверцы. Марина застегнула сумку и увидела за стеклом кабинета высокую фигуру в расстёгнутой куртке.

Егор не постучал. Стоял, сунув руки в карманы, и смотрел на листок с расписанием приёмов. В пятницу свободных часов там не было.

— Я ухожу через пять минут, — сказала Марина, открыв дверь. — Тебе нужно записаться или случилось что-то сейчас?

— А если не сейчас, вы не примете?

— Приму в понедельник. Если сейчас — останусь.

Он пожал плечами. В школу Егор перевёлся осенью, в девятый класс. Учителя называли его спокойным, имея в виду, что он не мешал вести урок. На общих фотографиях он всегда стоял с краю. Марина видела его на обязательной беседе после драки, но тогда он ответил на семь вопросов семью «нормально» и ушёл.

— Дверь можно не закрывать? — спросил он.

— Можно.

Марина включила лампу обратно. Верхний свет оставила

выключенным. Егор сел на край стула у двери, рюкзак не снял.

— Чай, вода?

— Нет.

— Тогда говори с того места, с которого получается.

Егор посмотрел в коридор. Уборщица протащила ведро мимо кабинета и исчезла за поворотом.

— Если я скажу про работу, вы обязаны позвонить матери?

— Смотря про какую работу.

— Обычную. После школы.

— Сам факт подработки я не обязана передавать. Если тебе угрожают, если работа опасная или кто-то использует тебя для преступления, нам придётся решать, как обеспечить безопасность. Я постараюсь не делать ничего за твоей спиной, кроме случая, когда ждать нельзя.

— Вы всегда так длинно отвечаете?

— Когда короткий ответ был бы неправдой.

Он вынул из кармана маленькую отвёртку с жёлтой ручкой и положил на колено. Не оружие, обычный инструмент для клемм. Большой палец Егора был обмотан изолентой.

— Мать убирается в «Лебедь-Щит», — сказал он. — Это охрана. Не ларьки, а дома и склады. Я иногда помогаю техникам. Провода протянуть, мусор собрать. Они платят наличными.

Название Марина знала. На белых машинах компании

был нарисован угловатый лебедь. Антон основал её через год после их свадьбы и любил говорить, что охрана начинается не с забора, а со знания привычек хозяина.

Марина поставила сумку на пол.

— Кто предложил тебе работу?

— Мастер. Дядя Костя. А главный там Лебедев.

— Какой Лебедев?

Егор впервые посмотрел прямо на неё.

— Вы знаете какой.

Она знала. Но если назвать Антона первой, Егор мог согласиться просто потому, что это облегчало рассказ.

— Скажи имя сам.

— Антон Сергеевич. Ваш бывший муж.

За окном школьного двора трактор сгребал снег к ограде. Жёлтая мигалка проходила по потолку кабинета через равные промежутки. Марина сосчитала три, прежде чем спросить:

— Что ты делал для его компании?

— В среду ездил ставить датчики.

— Где?

— В доме за сороковым километром. От станции ещё налево, потом старая железка.

Дом Ирины находился в сорока двух километрах. За ним действительно проходила заброшенная ветка к торфяному складу.

— У адреса есть название улицы?

— В бумаге было «Лесная, восемь». Но на воротах номера нет. Дом с зелёной крышей. В сарае генератор, на кухне печка с треснувшей дверцей.

Трещина появилась ещё при Ирине. Марина собиралась заменить дверцу весной.

— Какие датчики?

— Движения. Дыма. Ещё камеры.

— Где именно?

Егор сжал отвёртку.

— Я не должен был видеть, что это камеры. Корпуса как пожарные. Одну в часах поставили, одну над коридором, одну в спальне. Дядя Костя сказал не задавать вопросов.

— Ты сам их подключал?

— Протянул питание к двум. В спальне не заходил. Там другой мужик был.

Марина заметила, что положила ладонь на телефон. Убрала руку на стол.

— Зачем ты пришёл ко мне?

— Потому что они говорили про девочку.

В коридоре снова показалась уборщица.

— Марина Олеговна, я этаж закрываю через десять минут.

— Мы закончим и сами захлопнем дверь.

Женщина посмотрела на Егора, потом на открытую дверь.

— Сигнализацию в семь ставят.

— Я помню.

Шаги стихли. Егор взял отвёртку обеими руками.

— Лебедев приехал вечером. Я был в сарае, собирал об-
резки. Он спросил, ловит ли связь у пруда. Дядя Костя ска-
зал: «Пока ловит». Потом Лебедев сказал, что девочка долж-
на пропасть не совсем. Чтобы её нашли быстро, но уже не с
той женщиной.

— Точные слова помнишь?

— Не все.

— Тогда отдели то, что помнишь точно, от того, как по-
нял.

Егор нахмурился.

— Точно было: «Её должны найти до ночи». И ещё: «По-
сле такого девочку ей не оставят». Про «пропасть не совсем»
мог сказать дядя Костя. Или я так подумал.

— Имя девочки звучало?

— Соня.

Марина почувствовала холод между лопатками. Соня
должна была сейчас сидеть у Надежды Петровны, препода-
вательницы физики, и решать задачи перед городской олим-
пиадой. В половине седьмого Марина обещала забрать её.

Она посмотрела на часы. Было шесть двенадцать.

— Фамилия?

— Нет. Он сказал: «Соню привезут в субботу». А вы сего-
дня в учительской говорили, что едете за город на выходные.

Марина не помнила такого разговора. Она сообщила за-
вучу, что в понедельник принесёт акт описи из дома Ири-

ны. Возможно, сказала при открытой двери. Возможно, Егор слышал от кого-то ещё.

— Ты записал разговор?

Он сразу отвёл глаза.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, но Марина не стала ловить его на этом. Ложь могла защищать не только виновного.

— Кто знает, что ты здесь?

— Никто.

— Мать знает, где ты?

— Сказал, что на тренировке.

— Тренировка закончилась час назад.

— Она на смене до утра.

Марина придвинула к нему чистый лист.

— Мне нужно понять, есть ли опасность прямо сейчас.

Антон знает, что ты слышал?

— Не знаю.

— Кто-нибудь спрашивал тебя о разговоре?

— Дядя Костя спросил, не оставил ли я инструмент в сарае. Я сказал, что нет.

— Оставил?

Егор разжал ладонь. Жёлтая отвёртка оставила белую полосу на коже.

— Это не моя. Она из их ящика.

— Почему взял?

— На ручке номер. Я думал, вдруг они скажут, что меня

там не было.

На пластике чёрным маркером стояло «К-14». Вещь могла подтвердить, откуда она, а могла выглядеть как обычная кража. Марина не прикоснулась к отвёртке.

— Положи её на стол сам, если хочешь оставить. Я запишу, когда и при каких словах ты передал. Но сначала реши: ты её передаёшь или только показываешь?

— А вы отдадите полиции?

— Если это след опасной подготовки, возможно. Я не обещаю спрятать предмет. Но не стану говорить, будто ты разрешил то, чего не разрешал.

Егор убрал отвёртку в карман.

— Тогда не оставляю.

— Хорошо.

— И Лебедеву не звоните.

— Антону я звонить не буду.

— И матери.

— Тут сложнее. Ты несовершеннолетний и можешь быть связан с опасной работой. Нам нужен взрослый на твоей стороне.

— Она не на моей стороне. Если её уволят, мы квартиру не оплатим.

— Кто ещё может быть рядом с тобой сегодня? Отец, бабушка, тренер?

— Отец в другом городе. Бабушка после операции. Тренер всё расскажет матери.

Марина открыла служебную памятку. В ней были номера районного специалиста и дежурной службы. Позвонить туда означало запустить действия, которые она уже не сможет остановить. Не позвонить — оставить пятнадцатилетнего мальчика одного с людьми, возможно готовившими опасность.

— Егор, если ты говоришь правду, речь может идти о подготовке нападения или незаконного удержания. Я не могу просто забыть разговор. Но я могу передать минимум: что появилась информация о скрытом наблюдении в конкретном доме и возможной опасности для ребёнка. Без твоего имени, пока специалисты не скажут, что оно необходимо.

— Они сразу поймут.

— Почему?

— Потому что в доме были трое. Дядя Костя, тот мужик и я. Тот мужик работает у них десять лет.

— Значит, даже без имени риск для тебя есть.

Он встал.

— Поэтому я и не хотел приходить.

Марина не загородила дверь.

— Ты можешь уйти. Перед этим скажи, где проведёшь ночь.

— Дома.

— Там безопасно?

— Пока я молчу.

Он взялся за ручку.

— Я не прошу тебя оставаться ради моего спокойствия,
— сказала Марина. — Но хочу предложить: мы вместе позвоним дежурному специалисту. Ты услышишь, что я сообщаю. Если понадобится твоё имя, тебе объяснят зачем.

— А если я не согласен?

— Я всё равно обязана сообщить о возможной опасности для Сони. О тебе передам только то, без чего нельзя оценить угрозу.

— Значит, вы всё решили.

— Я решила не оставлять угрозу ребёнку без проверки. Что делать с твоими словами и твоим именем, ещё не решила и хочу решать не одна.

Егор отпустил ручку, но не сел.

— Лебедев сказал, что психологи всегда делают человека источником. Это его слово. Источник. Потом можно сказать, что источник ненадёжный.

— Ты не источник. Ты Егор Савин, который рассказал, что видел и слышал. И можешь ошибаться в части рассказа.

— Очень удобно.

— Не удобно. Честно.

Он молчал почти минуту. Марина слышала, как внизу охранник закрывает входную дверь на первую защёлку.

— Позвоните без имени, — сказал Егор. — При мне.

Она набрала районную дежурную службу с рабочего телефона. Назвала должность, адрес школы и сказала, что несовершеннолетний сообщил о скрытых камерах в частном до-

ме и услышал разговор, который может указывать на подготовку опасной ситуации для тринадцатилетней девочки. Адрес дома Марина назвала. Имя Егора — нет.

Дежурная спросила, находится ли девочка там сейчас.

— Нет. По плану она должна приехать завтра.

— Отмените поездку.

— Отменю.

— Где заявитель?

Марина посмотрела на Егора.

— В безопасном помещении со мной. Имя пока не передаю из-за риска давления. Готова соединить с районным специалистом по несовершеннолетним.

Дежурная записала номер и велела не ехать к дому, не связываться с предполагаемыми участниками и ждать обратного звонка полиции.

Когда Марина положила трубку, Егор спросил:

— Вы правда не поедете?

— Завтра — нет.

— А документы?

— Какие документы?

— Лебедев говорил, что без описи вам не продлят опеку. Дядя Костя спросил, что будет, если вы не приедете. Лебедев ответил: «Тогда первый шаг она сделает сама».

Марина посмотрела на уведомление, торчавшее из сумки. Опись назначили не на свободную дату. Письмо пришло от районного куратора: отсутствие без уважительной причины

могли расценить как отказ обеспечить сохранность имущества Сони. Антон знал о письме, потому что когда-то был указан резервным взрослым в семейном плане.

— Почему ты не сказал это сразу?

— Хотел проверить, отмените ли вы поездку.

— Проверил?

— Вы сказали «завтра — нет», а не «вообще не поеду».

Марина записала дословно: «Без описи не продлят опеку» и «первый шаг она сделает сама». Рядом поставила время.

— Это точные слова?

— Вторые точные. Первые я собрал из двух разговоров.

Она отметила и это.

Телефон Егора завибрировал. На экране высветилось «Мама». Он сбросил вызов.

— Ответь хотя бы сообщением, что жив и скоро будешь.

— Она спросит где.

— Напиши правду, которую готов сообщить: задержался в школе у взрослого сотрудника.

Он набрал текст, показал экран, но отправил только после её кивка. Марина заметила это и сказала:

— Моё одобрение тебе не требовалось.

— Уже отправил.

Обратный звонок поступил через четыре минуты. Районный инспектор попросил приехать в отдел вместе с Егором. Марина включила громкую связь. Егор отказался. Инспектор предложил прислать машину к школе; Егор снова отка-

зался и спросил, обязан ли называть имя.

— Сейчас нет, — ответил инспектор. — Но если вы знаете о готовящемся преступлении, ваши сведения могут понадобиться. Мы можем пригласить адвоката и представителя, который не связан со школой или семьёй.

— Сегодня?

— Сегодня. Решение за вами, пока нет оснований считать, что вам самому угрожают немедленно.

Егор посмотрел на Марину.

— Я подумаю до завтра.

— Тогда не возвращайтесь на объект и сохраните всё, что у вас есть, — сказал инспектор. — Марина Олеговна, оставайтесь на линии.

Егор вышел в коридор. Дверь оставил открытой. Инспектор уточнил адрес дома, имя потенциальной жертвы и связь Марины с Антоном. Она ответила на факты и отдельно сказала о конфликте вокруг опеки. Про паническую атаку не упомянула. Вопросы о ней не было, но молчание всё равно ощутилось готовой дырой в рассказе.

— По адресу сегодня никого не направляйте без согласования, — предупредил инспектор. — Если система охраны законна, собственника известят. Нам сначала нужны основания.

— А если камеры уже там?

— Не проверяйте сами.

После разговора Егор стоял у окна. На школьный двор па-

дал густой снег.

— Вас кто-нибудь проводит? — спросил он.

— Я заберу Соню и поеду домой.

— На вашей машине есть белая наклейка сзади?

— Осталась от старого пропуска.

— Дядя Костя её фотографировал.

Марина взяла сумку. Теперь пять минут до ухода превратились в сорок семь.

— Тебя проводить?

— Нет.

— Заказать такси и дожждаться, пока уедешь?

— Тогда будет адрес.

— Камеры у входа в школу всё равно записали, как ты пришёл.

Егор побледнел. Марина поняла, что сказала это слишком резко.

— Записи не смотрят постоянно. Я сообщу охраннику, чтобы сегодняшний файл сохранили и никому не выдавали без официального запроса.

— Уже поздно.

— Возможно. Но это не причина отдавать следующий шаг.

Они спустились вместе. Марина попросила охранника сохранить запись коридора и входа за последние два часа из-за возможного происшествия с несовершеннолетним. Имени Егора не назвала. Охранник записал просьбу в бумажный

журнал.

На крыльце Егор остановился.

— Если вы всё-таки поедете, не трогайте часы, — сказал он. — Там петля на сигнализацию. И телефон в доме не настоящий. То есть настоящий, но кабель сначала идёт в коробку охраны.

— Откуда знаешь?

— Сам обжимал провод.

— Это ты видел лично?

— Да.

Он застегнул куртку и пошёл к остановке, не оглядываясь. Марина не двинулась следом. Только записала время его ухода и номер автобуса, в который он сел.

Потом позвонила Соне.

— Мы не едем завтра в дом, — сказала она.

— Почему?

Марина посмотрела на следы Егора. Снег заполнял их быстро, но не делал так, будто мальчика здесь не было.

— Появилась информация, которую нужно проверить. Я пока не могу назвать человека и пересказать его слова.

— Это про Антона?

— Возможно.

— Опять «возможно».

— Сейчас это честный ответ.

Соня помолчала.

— А опись?

— Попрошу перенести и сделаю это письменно.

— Если не перенесут?

Марина увидела на парковке белую наклейку своей машины. Под фонарём рядом стоял тёмный внедорожник. Фары не горели, номер залепило снегом. Когда она подняла телефон, машина тронулась и выехала со двора.

— Тогда решим после ответа, — сказала Марина. — Не раньше.

Она не сказала Соне, что уже узнала форму задних фонарей. Такие ставили на служебные машины «Лебедь-Щита».

Но записала это отдельно — как догадку, а не как увиденное имя.

Глава 2. Дом сестры

В восемь утра районный куратор прислал Марине не ответ, а копию вчерашнего письма.

«Оснований для переноса описи не установлено. При невозможности личного присутствия законный представитель обязан обеспечить доступ комиссии».

Ни подписи, ни номера телефона внизу не было. Только должность и длинная строка с исходящим номером. Марина прочитала её дважды, потом открыла своё вчерашнее сообщение. Она просила перенести осмотр из-за сведений о возможном незаконном наблюдении и угрозе ребёнку. Не называла Егора, не пересказывала его слов. В ответе о них не было ничего, словно письмо прошло через машину, которая умела замечать только даты.

Соня сидела на кухонной столешнице и ела сухие хлопья из кружки. На ней уже были джинсы и серый свитер Ирины, который за два года стал ей почти впору. Рюкзак стоял у двери.

— Ты собралась в школу? — спросила Марина.

— Сегодня суббота.

— Тогда куда?

— В дом.

Марина положила телефон экраном вниз.

— Я сказала, что мы не едем.

— Ты сказала, что решим после ответа. Ответ пришёл.

— Он ничего не решает.

— Решает. Если мы не приедем, они войдут без нас.

Соня говорила ровно, но хлопья брала по одному. Это была её привычка перед контрольными и разговорами, в которых взрослые могли произнести слово «правильно» вместо ответа.

— В дом, возможно, поставили камеры, — сказала Марина. — Человек, которому я доверяю в пределах его рассказа, считает, что поездку готовили заранее.

— В пределах рассказа — это как?

— Он мог точно видеть провода и ошибиться, зачем их прокладывали. Мог точно услышать слова и неверно понять, о ком говорили. Я не имею права превращать подозрение в доказанный факт.

— Но бояться имеешь право.

— Имею.

Соня спрыгнула со столешницы. Кружку поставила в мойку, промахнулась мимо края, и несколько хлопьев рассыпались по полу. Она сразу присела собирать их ладонью.

— Там мамины вещи, — сказала она снизу. — Если придут чужие и начнут записывать, что оставить, а что выбросить, я всё равно буду думать, что это случилось из-за меня.

— Не из-за тебя.

— Я знаю. Думать всё равно буду.

Марина хотела ответить профессионально: назвать вину

чувством, которое не доказывает вины, отделить ответственность ребёнка от решений взрослых. Эти слова она произносила в кабинете десятки раз. Сейчас они показались гладкими, как пластиковая ложка.

Она достала из ящика щётку и смела оставшиеся крошки.

— Если поедem, у тебя будет право потребовать возвращения в любой момент. Не после описи, не когда мне станет удобно. В любой.

— Даже если я просто передумаю?

— Даже если просто передумаешь.

— И ты не скажешь, что я всё испортила?

— Не скажу.

Соня посмотрела на рюкзак.

— Тогда я хочу поехать.

Марина не сказала «хорошо». Согласие не делало поездку хорошей. Она записала на листе условия: комиссия приезжает только днём; двери комнат остаются открытыми; они не ночуют; при исчезновении связи разворачиваются; ничего из найденного не трогают без свидетелей. Соня прочитала и добавила шестой пункт: «Я не обязана отвечать про тётю Марину».

— Про меня могут спросить, — сказала Марина.

— Тогда ты сама отвечай.

— Справедливо.

Она сфотографировала лист и отправила районному куратору вместе с повторным уведомлением: при отсутствии

комиссии к полудню осмотр не состоится. Затем позвонила дежурному инспектору. Вчерашний сотрудник сменился. Новый выслушал адрес, попросил номер регистрации обращения и сообщил, что наряд по предположению о скрытых камерах направить не может.

— Не предположение, а сообщение несовершеннолетнего свидетеля, — сказала Марина.

— Свидетель дал объяснение?

— Пока нет.

— Тогда это информация с ваших слов.

— Вчера ваш коллега просил не проверять дом самостоятельно.

— И правильно просил.

— Сегодня государственная комиссия требует открыть этот дом.

На линии послышалось перелистывание бумаги.

— Если обнаружите признаки проникновения, не входите и звоните сто двенадцать. Самостоятельно оборудование не демонтируйте.

Марина записала фамилию дежурного, время и формулировку. Он услышал, как царапает ручка.

— Вы разговор записываете?

— Делаю заметки.

— Это ваше право.

После звонка она вынула из шкафа красную аптечку, проверила бинты и положила внутрь две грелки в запаянных па-

кетах. В багажник перенесла лопату, трос, канистру воды и старое шерстяное одеяло. В отдельный пакет сложила свечи и зажигалку, хотя в доме был генератор. Потом заметила, что трижды проверила задвижку на аптечке.

— Ты опять делаешь склад на случай конца света, — сказала Соня из прихожей.

— На случай сугроба.

— В прошлом году сугроб пережили без четырёх фонариков.

Марина вынула два. Не потому, что Соня была права насчёт дороги, а потому, что четыре фонарика выдавали страх лучше признания.

Перед выездом она позвонила Надежде Петровне. Учительница согласилась ждать сообщения в полдень и в четыре. Если его не будет, она должна была звонить Марине, потом в службу спасения и сообщить адрес дома. Марина не объясняла про камеры. Сказала только, что дорогу замечает и связь там плохая.

— Может, вам не ехать? — спросила Надежда Петровна.

— Может. Но доступ обязаны обеспечить сегодня.

— Обязаны — плохое слово для зимней дороги.

— Поэтому вы у нас на берегу.

— Я не на берегу, я у плиты. Но телефон не выключу.

Соня слушала, застёгивая куртку.

— Она знает, куда мы едем, — сказала Марина, когда звонок закончился. — И когда ждать сообщений.

— Ты сказала ей не всё.

— Не всё моё можно рассказывать. И не всё чужое.

— А если из-за этого она поздно вызовет помощь?

Вопрос попал точно в то место, которое Марина обходила с вечера. Она могла пересказать Егоровы слова полиции, куратору, Надежде Петровне и любому, кто обещал помочь. С каждым пересказом опасность для него росла, а рассказ становился похож на её собственность.

— Я дала ей адрес и точное время, — сказала Марина. — Для вызова помощи этого достаточно. Если пойму, что нет, сообщу больше.

Соня кивнула, но не потому, что согласилась. Она проверяла, насколько ответ выдерживает вес.

Из города выехали в половине десятого. Снег прекратился, небо стало белым и низким. На заправке Марина долила бак до полного и сохранила чек. Продавец спросил, зачем ей две канистры воды в мороз, и она не сразу поняла, что он шутит.

Первые двадцать километров Соня смотрела в окно. Потом включила на телефоне карту и поставила его в держатель.

— До дома час восемь минут, — сказала она.

— Я знаю дорогу.

— Карта тоже знает.

— Карта предложит поворот через дачный посёлок. Зимой он закрыт.

Через минуту электронный голос предложил именно этот поворот. Соня отключила звук, но карту оставила.

У придорожного кафе Марина заметила тёмный внедорожник. Он стоял носом к трассе, номера были чистыми. Не тот: другая форма зеркал, на крыше багажник. Она заставила себя проговорить различия вслух.

— Зачем? — спросила Соня.

— Чтобы не называть одинаковым всё, что меня пугает.

— А меня пугает, что ты разговариваешь с машинами.

— Тогда буду тише.

Соня улыбнулась краем рта. Через пять километров спросила:

— Твой человек сказал, что Антон хочет меня забрать?

— Он сообщил факты, которые можно так понять.

— Какие?

— Я обещала не пересказывать его слова без необходимости.

— Я в этих словах.

— Да.

— Значит, это и моя тайна.

— Нет. Ты — человек, о котором могли говорить. Но рассказ принадлежит тому, кто решился его сделать.

Соня сняла телефон с держателя, увеличила карту и снова уменьшила.

— У взрослых всё кому-то принадлежит. Дом мой, но войти решает комиссия. Слова про меня чужие. Решение,

где мне жить, принимает опека.

— Поэтому условие про отъезд решаешь ты.

— Пока ты не решишь, что я испугалась неправильно.

Марина сбросила скорость перед поворотом. На обочине стоял указатель с облупившейся синей стрелкой. За ним начиналась узкая дорога между соснами.

— Я могу ошибиться и начать тебя уговаривать, — сказала она. — Тогда напomini про лист. Или просто скажи «шестой пункт».

— Шестой — я не обязана отвечать про тебя.

— Значит, «первый пункт».

— Ты сама писала и уже забыла.

— Именно поэтому мы записали.

На лесной дороге колёса попали в две глубокие колеи. Здесь чистили, но после ночного снегопада прошла одна машина. Марина видела свежий рисунок широких шин. Иногда след исчезал под нанесённым снегом, потом появлялся снова.

— Комиссия? — спросила Соня.

— Может быть кто угодно.

— Но ты подумала про Антона.

— Подумала.

— Это уже факт или ещё догадка?

— Догадка.

— У тебя всё по коробочкам.

— Не всё.

Слева за деревьями мелькнула крыша закрытой турбазы. Справа стояли два пустых дома, заколоченные одинаковыми досками. Дальше жильё кончалось. До ближайшей станции было семь километров по прямой и почти двенадцать по дороге.

Дом Ирины показался за поворотом внезапно — зелёная крыша, белая труба, высокий забор. Снег на воротах лежал ровной шапкой. Марина остановилась в десяти метрах и не заглушила двигатель.

— Следы есть, — сказала Соня.

От калитки к крыльцу тянулась цепочка неглубоких отпечатков. Их припорошило, но они были свежее вчерашнего снега. У ворот широкая колея уходила к обочине, где машина разворачивалась.

Марина сфотографировала всё из салона: общий вид, колею, следы, закрытые ворота. Потом отправила снимки Надежде Петровне. Сообщение ушло сразу.

— Связь есть, — сказала Соня.

— Есть.

Слово прозвучало как разрешение. Марина проехала ближе, вышла и проверила замок. Пломбы на нём не было, только их собственная стальная скоба. Ключ повернулся туго.

На внутренней стороне ворот висел новый чёрный датчик. Марина не помнила его здесь. Она сняла крупным планом наклейку: «ЛЩ-41», серийный номер и дата установки — среда.

— Это их? — спросила Соня.

— Похоже на оборудование охраны. Не трогай.

— Я и не собиралась.

Во дворе следы разделялись. Одни шли к крыльцу, другие — к сараю с генератором. Снег у двери сарая был утопан. Марина снова позвонила дежурному и сообщила о признаках недавнего посещения.

— Замки повреждены? — спросил он.

— Нет.

— Пропажа имущества видна?

— Снаружи нет.

— Собственник мог разрешить установку сигнализации?

— Собственник — несовершеннолетняя. Я законный представитель и не разрешала.

Дежурный попросил ожидать комиссию снаружи и перезвонить при обнаружении взлома. Номер обращения он повторил тот же.

Марина закончила звонок. Соня стояла возле крыльца и смотрела на окно второго этажа.

— Там штора была закрыта, — сказала она.

— Когда?

— Осенью. Мы закрыли все.

Левая штора действительно была отдернута на ладонь. За стеклом темнела комната Ирины.

— Возвращаемся? — спросила Марина.

Соня сжала лямку рюкзака.

— Комиссия уже едет?

— Они не подтвердили.

— Тогда ждём в машине до двенадцати.

Это был не отказ и не согласие войти. Марина приняла решение Сони в точности, не достраивая его.

Они вернулись в салон. Печка гудела, снег на ботинках превращался в воду на резиновых ковриках. В одиннадцать двадцать пришло сообщение от куратора: «Специалист задерживается. Начинайте подготовку документов, обеспечьте отопление помещения».

Марина ответила, что входить до прибытия специалиста не будет. Через семь минут телефон зазвонил. Номер оказался городским.

— Марина Олеговна, добрый день, — сказала женщина, представившаяся секретарём комиссии. — Наш сотрудник попал в небольшую аварию, к вам направляется замена. Просим войти и прогреть дом, чтобы не задерживать процедуру.

— Назовите фамилию сотрудника и номер распоряжения об описи.

Женщина назвала фамилию куратора, которую Марина знала, и правильный исходящий номер.

— Замена кто?

— Вам представятся на месте.

— Я буду ждать у ворот.

— В таком случае комиссия может зафиксировать отказ обеспечить доступ.

— Я доступ обеспечу. В дом войдём вместе.

Пауза длилась всего секунду, но Марина услышала в ней не раздражение чиновника, а смену заготовки.

— Как вам удобно, — сказала женщина и отключилась.

Марина набрала номер районной службы с официального письма. Секретарь с таким голосом там не работала. Дежурная ничего не знала ни об аварии, ни о замене. Куратор в выходной на связь не выходил.

— Значит, ввали, — сказала Соня.

— Человек по телефону знал номер письма и фамилию.

— Значит, Антон.

— Значит, у кого-то есть сведения из письма.

— Почему ты никогда не договариваешь предложение?

— Потому что конец пока неизвестен.

Соня распахнула дверь и вышла. Марина поспешила за ней.

— Первый пункт? — спросила она.

— Нет. Я замёрзла сидеть. И хочу посмотреть на мамину комнату снаружи.

Они обошли дом, не приближаясь к стенам. Под окном спальни снег был сбит. Внизу, почти у фундамента, виднелась прямоугольная дверца вентиляции. Один винт блестел, остальные покрылись ржавчиной.

Соня присела.

— Новый.

— Не трогай.

— Я смотрю.

Из-за стены донёлся короткий механический щелчок. Марина схватила Соню за плечо и отдёгнула. Девочка вывернулась так резко, что едва не упала.

— Не хватай меня!

— Прости.

— Ты сама сказала — не трогать.

Марина убрала руки. Сердце било часто, но звук не повторился. Возможно, с крыши сошёл кусок наледи. Возможно, сработало реле внутри дома.

— Я испугалась звука, — сказала она. — Это не оправдывает, что я тебя дёгнула.

Соня потёрла плечо.

— Я хочу войти.

— После неизвестного звонка и следов?

— Я хочу забрать альбом. Он в маминой комнате. Потом можем уехать.

— Для этого придётся проверить дом.

— Проверяй.

Марина посмотрела на дорогу. Ни машины, ни человека. До полудня оставалось четырнадцать минут. Она могла объявить угрозу достаточной и увезти Соню. Но тогда кто-то, знавший номер официального письма, получил бы дом без свидетелей. Мог войти, переставить вещи, составить любую опись. Это не стоило риска для ребёнка — и всё же риск уже находился не только внутри дома.

— Мы заходим на пять минут, — сказала Марина. — Ты всё время идёшь за мной на расстоянии двух шагов. Ничего не берём, даже альбом, пока не сфотографируем, где он лежал. Если видим человека, открытую дверь или повреждение, выходим. Согласна?

— Согласна.

— Это не отменяет первого пункта.

— Я помню.

Марина отправила Надежде Петровне сообщение: «Входим в 11:48 на пять минут. Если до 12:00 не напишу, звоните 112». Две галочки появились сразу.

Ключ от входной двери лежал на отдельном кольце. Замок открылся без сопротивления. Марина толкнула дверь носком ботинка и ждала, прислушиваясь.

В доме было холоднее, чем на улице. Пахло деревом, пылью и слабым сладким освежителем. Ирина ненавидела освежители.

На коврике стояли мужские бахилы, сложенные одна в другую. Рядом лежал прозрачный пакет с напечатанной эмблемой «Лебедь-Щита».

Марина сфотографировала пакет и часы в прихожей. Стрелки показывали без восьми двенадцать, хотя часы остановились ещё прошлой весной. В чёрном ободке над цифрой шесть была точка, которой она раньше не замечала.

— Это камера? — прошептала Соня.

— Не знаю. Не касайся часов.

Она прошла на кухню. Проводной телефон стоял на подоконнике, трубка лежала ровно. Кабель уходил не прямо в стену, как раньше, а под новый белый короб. На столе ждал серый скоросшиватель. На обложке было напечатано: «Опись имущества И. В. Лавровой».

— Они уже всё описали, — сказала Соня.

— Пока мы видим только папку.

Марина не открыла её. Сняла видео комнаты одним непрерывным кругом, вслух назвала время и положение предметов. Соня подошла ближе, но осталась за её плечом.

Наверху скрипнула половица.

Марина замерла.

Дом иногда трещал от холода. Она знала его звуки: глухой удар в трубе, шорох ветки по западной стене, протяжный стон лестничного косоура. Сейчас звук был коротким и тяжёлым, как шаг человека, который остановился, поняв, что его слышали.

— Выходим, — сказала она.

Соня не спорила. Они отступили в прихожую, не поворачиваясь к лестнице спиной. Марина уже взялась за ручку, когда в гостиной щёлкнуло реле и загорелся торшер.

Потом зазвонил проводной телефон.

Один раз. Второй. Третий.

— Не бери, — сказала Соня.

Марина и не собиралась. Звонок прекратился, едва они вышли на крыльцо. Она захлопнула дверь, повернула ключ

и потянула Соню к машине.

Телефон в её кармане показал сеть, но сообщение Надежде Петровне осталось с одной серой отметкой.

— Только что были две, — сказала Марина.

— У меня тоже ничего.

Они сели в машину. Марина запустила двигатель и набрала сто двенадцать. В динамике была тишина, затем вызов оборвался без гудка.

Соня смотрела на дом. В окне второго этажа штора теперь была закрыта.

— Первый пункт, — сказала она.

— Да.

Марина включила заднюю передачу. На экране камеры появились ворота, белая дорога и тёмная полоса поперёк колеи. Она обернулась.

Ворота были открыты, хотя она точно закрывала их за машиной. Между столбами, там, где минуту назад оставался свободный выезд, лежала тяжёлая цепь. На ней висел новый навесной замок.

Телефон в доме зазвонил снова.

Глава 3. Связь у ворот

Марина оставила двигатель включённым и нажала на клаксон.

Звук ударился о стены дома, ушёл к лесу и вернулся слабым эхом. Никто не вышел. Телефон за кухонным окном продолжал звонить.

— Не глуши машину, — сказала Соня.

— Не буду.

Марина включила аварийные огни, достала из багажника трос и лопату. Цепь проходила через скобы на воротах и была натянута снаружи. Замок висел за правым столбом, дотянуться до него со двора можно было, только просунув руку между досками.

— Мы можем выломать ворота машиной? — спросила Соня.

— Можем повредить радиатор или застрять поперёк выезда.

— Это значит «нет»?

— Это значит, сначала проверим способ безопаснее.

Марина сняла цепь на видео, обошла ворота и увидела след ботинка по ту сторону. След уходил к лесу, не к дороге. Человек запер их после того, как они вошли в дом, и отошёл пешком либо сел в машину за поворотом.

Она подняла телефон над головой. На экране не было да-

же значка экстренного вызова. Перезагрузила аппарат, вынула и вернула карту. Ничего.

— У меня карта открывается, — сказала Соня.

— Она сохранилась в памяти.

— Я знаю.

Соня приблизила схему. За домом синяя линия пруда соединялась с ручьём, дальше шла старая железнодорожная насыпь.

— До станции семь километров.

— Пешком сейчас не идём.

— Я не предлагаю. Я считаю выходы.

Марина почувствовала укол стыда: сама учила Соню называть варианты, а теперь услышала в этом попытку спорить.

— Хорошо. Первый выход — ворота. Второй — калитка?

Калитка была частью той же створки, цепь держала и её. Забор справа уходил в сугробы. Слева, возле старой яблони, доски стояли реже, но перелезть через них пришлось бы с высоты человеческого роста. Соня показала на низкий участок у компостной ямы.

— Летом там была дырка для собаки.

— Проверим.

Они пошли вдоль забора вместе. Марина несла лопату, Соня — телефон с открытой картой. В снегу у сарая были только утренние следы. За сараем ветер намёл сугроб до верхней доски.

Марина копала пять минут, пока лопата не ударилась о

металлическую сетку. Дырку заделали. Проволока блестела на срезах.

— Новая, — сказала Соня.

Марина сфотографировала узлы. На одном остался синий кусочек изоляции.

— Можно подкопать ниже.

— Земля промёрзла.

— Тогда через забор.

Марина посмотрела на Сонины ботинки. Городские, с гладкими подошвами. За забором склон уходил в овраг, которого сверху не было видно.

— Я перелезу и открою замок снаружи, — сказала Соня.

— Нет.

— Ты только что обещала не считать меня беспомощной.

— Я этого не обещала. И запрет лезть на обледеный забор — не оценка твоей беспомощности.

— А ты полезешь?

Марина поставила лопату в снег. Если полезет сама, оставит Соню во дворе одну. Если возьмёт с собой, обе окажутся снаружи без машины и тёплой одежды из багажника. Если упадёт, помощь вызвать нельзя.

— Пока нет.

— Значит, ты тоже беспомощная.

— В этой точке — да.

Ответ обезоружил Соню. Она отвела глаза к дому.

Телефон перестал звонить. Тишина продержалась

несколько секунд. Потом в сарае запустился генератор.

Марина вздрогнула от низкого рокота. Из трубы под крышей вырвался сизый дым.

— Ты его включала? — спросила Соня.

— Нет.

— Он сам умеет?

— Не умел.

Они не подходили к сараю. Марина повела Соню к машине. В салоне лежали вода, аптечка и одеяло; полный бак давал тепло на несколько часов. Она заблокировала двери и записала время запуска генератора.

На приборной панели было двенадцать двадцать. Надежда Петровна уже должна была звонить им и, не дозвонившись, спасателям. Марина представила учительницу у кухонного стола, телефон между солонкой и вазой с печеньем. Это было не доказательство помощи, а договорённость. Но договорённость существовала вне ворот.

— Она позвонит, — сказала Соня.

— Да.

— Ты уверена?

— Уверена, что она выполнит обещание. Не уверена, как быстро сюда приедут.

Генератор работал ровно. В доме одно за другим загорелись окна: кухня, гостиная, коридор второго этажа. Свет был дневной, белый, будто внутри начался обычный рабочий день.

Проводной телефон зазвонил снова.

— Они хотят, чтобы ты взяла, — сказала Соня.

— Да.

— Потому что больше никак не могут говорить.

— Или хотят, чтобы мы так подумали.

Телефон звонил долго, без перерыва. Марина смотрела на дом и считала. На сорок втором звонке аппарат замолчал.

Через секунду ожил автомобильный приёмник. Из динамиков вырвался треск, экран погас и включился. Частота сбилась на восемьдесят семь и пять. Вместо музыки шёл ровный шум.

Марина выключила радио.

— Это глушилка? — спросила Соня.

— Не знаю.

— Твой человек говорил про неё?

— Нет.

Соня открыла закладки в телефоне.

— Двенадцать двадцать две: радио само включилось.

— Запиши «экран погас, включился, частота изменилась». Само — уже вывод.

— Ты сейчас серьёзно?

— Очень.

— Нас закрыли, а ты исправляешь слова.

— Потому что потом кто-нибудь скажет, что мы придумали лишнее. Пусть у нас останется то, что нельзя отнять спором.

Соня стёрла слово «само» и записала точнее. Марина вынула из бардачка маленький блокнот и начала свой список отдельно. Два рассказа не должны были становиться копиями только потому, что взрослому так удобнее.

Через пять минут на дороге послышался двигатель. Марина открыла окно на щель. Звук приближался, затем стих. Между деревьями никто не появился.

Она снова нажала на клаксон: три длинных сигнала, пауза, ещё три. Потом включила дальний свет, хотя день был белым.

— Если там спасатели, они увидят ворота, — сказала Соня.

— Если доедут до поворота.

Звук мотора вернулся, теперь дальше. Машина уехала в сторону трассы.

— Он просто проверил, что мы здесь, — сказала Соня.

— Возможно.

— Ненавижу это слово.

— Я тоже.

Марина решила проверить гараж. У Ирины там хранились кусачки для арматуры и старая ножовка. Гараж примыкал к дому, отдельный замок был цел. Они дошли до него вдвоём. Кусачки лежали на привычном гвозде, но одна рукоять была сломана у шарнира. Ножовка оказалась без полотна.

— Это тоже возможно случайно? — спросила Соня.

— Нет. Инструменты непригодны. Кто это сделал, мы не

знаем.

На верстаке лежал аккумуляторный шуруповёрт. Заряда хватило на короткий рывок. Марина подобрала биты, но ни одна не подходила к винтам на воротах. Снять сами скобы можно было только с внешней стороны.

Они нашли молоток, топор с разохшимся топорищем и бухту тонкого провода. Цепь была закалённой. Марина ударила по одному звену молотком через обух топора. Металл отозвался звоном, на поверхности осталась царапина.

— Ещё раз, — сказала Соня.

— Отойди.

Марина ударила снова. Топорище хрустнуло. Она сразу остановилась.

— Можно бить до вечера, — сказала Соня.

— И остаться без рук раньше.

Проводной телефон зазвонил в третий раз.

Марина посмотрела на часы. Двенадцать сорок семь. Если Надежда Петровна вызвала помощь в двенадцать, ближайшая машина могла ещё ехать от посёлка. Если сообщение об угрозе приняли как плохую связь, никто мог не ехать вовсе.

— Я отвечу, — сказала она.

— Зачем?

— Узнать, кто звонит. Ничего не обещать и не сообщать нового.

— Он будет знать, что мы вошли.

— Он уже включил электричество и запер ворота.

Соня взяла её за рукав.

— Я не хочу в дом.

Это был первый пункт, хотя она не назвала его. Марина остановилась.

— Тогда ты остаёшься в машине, а я не имею права оставлять тебя одну. Значит, не отвечаем.

— Ты злишься.

— Я боюсь не узнать, что он скажет. Но решение от этого не меняется.

Они вернулись в салон. Звонок прекратился. Через минуту из дома донёсся щелчок громкой связи, а затем голос, усиленный дешёвым динамиком.

— Марина, возьми трубку.

Антон говорил спокойно, будто позвонил напомнить про страховку машины. Голос шёл из приоткрытого кухонного окна.

Соня выпрямилась.

— Это он.

Марина включила запись видео на телефоне. Экран показывал дом и время.

— Марина, я вижу машину. У вас нет сети. Домашний телефон работает.

Она не ответила. Расстояние было метров пятнадцать; если крикнуть, микрофон в доме мог услышать. Антон и без этого знал, что они во дворе.

— Цепь поставили дорожники, — продолжил голос. —

На повороте опасный участок, они закрывают проезд до расчистки. Ключ у меня. Я могу приехать через час.

Соня прошептала:

— Врёт. Дорожники не закрывают чужие ворота.

Марина кивнула, не прекращая съёмку.

— В доме тепло. Зайдите и ждите комиссию. Я договорился, чтобы опись всё-таки провели сегодня.

Теперь его объяснение связывало цепь, электричество и звонок в одну удобную услугу. В нём не было ни угрозы, ни признания. Только приглашение принять его правила.

— Ты имеешь отношение к цепи? — громко спросила Марина.

Из динамика сразу ответили:

— Я же сказал: ключ у меня.

— Кто установил цепь?

— Марина, не начинай допрос. Ты приехала в чужой дом с ребёнком, не проверив дорогу. Сейчас важнее, чтобы Соня не мёрзла.

— Дом принадлежит Соне. Кто установил цепь?

Пауза.

— Мне сообщили о закрытии проезда.

— Кто сообщил?

— Возьми трубку. Не кричи при ребёнке.

Марина посмотрела на Соню. Девочка подняла большой палец, показывая, что запись идёт и у неё.

— Мы вызвали помощь, — сказала Марина.

— Куда вызвали? Связи у вас нет.

Он знал это не по обрыву разговора. Марина отметила про себя, но не назвала вслух.

— До её исчезновения внешний контакт получил адрес и время проверки.

Антон тихо рассмеялся. Не насмешливо, скорее устало.

— Ты опять устраиваешь учения. Соня, если слышишь, в доме безопасно. Я привёз продукты, включил генератор и попросил людей расчистить дорогу.

Соня открыла дверь.

Марина удержалась и не схватила её.

— Не говори со мной через стену! — крикнула Соня. — Приезжай и открой ворота!

— Я еду, — ответил Антон. — Надень шапку. У тебя уши красные.

Соня замерла. На ней был поднят капюшон. Из кухонного окна увидеть её уши было невозможно.

Марина направила камеру на часы в прихожей, видимые через стекло, потом на датчик у ворот.

— Не снимай, — сказал Антон.

Это были первые его слова, прозвучавшие не как забота.

Марина продолжила.

— Как ты видишь Соню?

— Через штатную систему безопасности. Её установили для защиты имущества.

— Кто дал согласие?

— Обсудим не на морозе.

— Я согласия не давала. Собственница несовершеннолетняя.

— Ты уже второй год принимаешь решения за собственницу, не спрашивая её.

Соня закрыла дверь машины и натянула капюшон ниже.

— Отключи камеры, — сказала Марина.

— Возьми трубку.

— Отключи камеры и открой ворота.

— Я открою, когда приеду. Если ты разобьёшь оборудование или машину, это придётся объяснять комиссии. И не посылай Соню через забор. Там овраг.

Он видел их у забора или видел следы. В любом случае наблюдение охватывало не только дом.

Громкая связь отключилась. Генератор продолжал гудеть.

— Он слышал всё? — спросила Соня.

— Не знаю. Камеры могут быть с микрофонами.

— Егор сказал про камеры?

Марина слишком резко посмотрела на неё.

— Я не называла имя.

— Ты сказала «человек», он школьник, а утром тебе звонили из школы. Я догадалась.

— Это не подтверждение.

— Значит, угадала.

Марина остановила запись и сохранила файл. Телефон показал длительность — четыре минуты двадцать одна се-

кунда.

— Послушай меня. Ты не должна искать его, писать ему или рассказывать кому-то свою догадку. Его безопасность зависит от того, насколько мало людей свяжут рассказ с ним.

— А наша безопасность зависит от того, что он знает.

— Да. И эти две вещи одновременно важны.

— Если Антон уже знает, что он сказал?

— Мы этого не знаем.

Соня ударила ладонью по сиденью.

— Опять.

Марина дала ей злиться. За стеклом дом светился во всех окнах. Издалека он выглядел жилым и тёплым, а их машина — странно припаркованной во дворе.

— Он хочет, чтобы приехавшие увидели нас снаружи, — сказала Соня. — Ты не пускаешь меня в тёплый дом. Потом скажет, что ты ненормальная.

— Возможно.

— Прекрати.

— Хорошо. Я тоже думаю, что он хочет показать именно это. Но запись его голоса объясняет, почему мы не входим.

— Если запись сохранится.

Марина подключила телефон к зарядке в машине и сделала копию на Сонин аппарат через кабель. Передача не требовала сети. Потом обе записали отдельно, что слышали. Марина не смотрела в Сонин текст.

— Теперь что? — спросила Соня.

— Ждём до половины второго. Держим двигатель включённым по десять минут, потом выключаем на двадцать, чтобы беречь топливо. Если помощь не придёт, попробуем подняться к северному углу участка. Там склон ближе к дороге и может появиться сеть.

— Антон сказал, что там овраг.

— Поэтому пойдём внутри забора и не перелезаем.

В час двадцать две они услышали сирену.

Марина выскочила из машины с фонарём и побежала к воротам. Соня осталась у открытой двери, как договорились. Сирена приблизилась, стала отчётливой, затем оборвалась у лесного поворота.

— Сюда! — закричала Марина.

Она мигала фонарём между досками. В просвете мелькнул синий свет. На дороге действительно стояла машина — не дальше ста метров.

Марина ударила лопатой по воротам. Соня нажала на клаксон.

Синий свет исчез.

Через несколько секунд телефон в доме зазвонил.

— Они уехали? — спросила Соня.

— Не знаю.

Из-за поворота показался человек в ярком жилете. Он шёл медленно, высоко поднимая ноги в снегу. На груди сверкала отражающая полоса. Марина снова замахала фонарём.

Человек остановился у цепи. Лица за шарфом было не

видно.

— Кто вы? — спросила Марина.

— Дорожная служба. Проезд закрыт из-за дерева.

— Покажите удостоверение.

Он похлопал по карманам.

— В машине осталось.

— Вызов спасателей был?

— Не знаю, я дорогу смотрю.

— Откройте цепь.

— Ключ у владельца.

Марина включила камеру. Человек отвернулся.

— Снимите шарф и назовите организацию.

— Женщина, не усложняйте. Сейчас хозяин приедет.

— Кто хозяин?

Он не ответил. Повернулся и пошёл к повороту. На спине жилета не было ни надписи, ни знака службы. Марина снимала, пока он не исчез за деревьями.

Соня стояла рядом, прижав телефон к груди.

— Это была не помощь.

— Нет.

— Ты теперь можешь сказать без «возможно»?

— Могу.

Сирена больше не включалась. Звук двигателя удалился.

Марина посмотрела на след незнакомца. Он шёл по той же широкой колее, что появилась до их приезда. На снегу возле замка остался свежий отпечаток подошвы с круглым

знаком посередине.

Она присела и сняла его крупно, положив рядом связку собственных ключей для размера. Потом заметила на нижнем звене цепи тонкий провод. Он уходил вдоль столба к чёрному датчику.

— Не трогай, — сказала Соня раньше неё.

— Не трогаю.

Провод означал, что цепь была не просто замком. Попытка разорвать её могла подать сигнал или включить что-то ещё. Марина вспомнила предупреждение Егора о петле на сигнализации, но он говорил о часах. Возможно, одна система связывала несколько датчиков. Возможно — она почти произнесла слово вслух и вовремя остановилась.

— Возвращаемся в машину, — сказала она.

В половине второго появился один делитель сети. Телефон Марины коротко завибрировал, принял четыре сообщения разом и тут же снова потерял сигнал. Три были от Надежды Петровны. Четвёртое — от неизвестного номера.

«Спасатели получили вызов, но дорога перекрыта упавшей сосной. Оставайтесь в машине. Группа ищет объезд».

Марина показала экран Соне.

— Надежда дозвонилась, — сказала девочка.

Первое сообщение учительницы было отправлено в двенадцать одну: «Не вижу подтверждения. Звоню 112». Второе — в двенадцать девять: «Вызов приняли». Третье пришло только что: «Мне перезвонил мужчина, сказал, что вы уже

встретили дорожную службу. Это правда?»

Марина набрала ответ: «Нет. Мы заперты цепью на участке. Незнакомец в жилете ушёл, не назвавшись. Не отменяйте вызов». Сообщение осталось неотправленным.

— Мужчина перехватывает и её, — сказала Соня.

— Или позвонил ей, зная про вызов.

— Это чем-то лучше?

— Нет.

Проводной телефон снова зазвонил. Теперь Марина понимала, что молчание не мешает Антону создавать свой рассказ для каждого, кто пытался приблизиться. Он мог говорить комиссии, что они отказываются войти; спасателям — что дорожники уже помогли; Надежде Петровне — что всё закончилось.

— Пойдём вместе, — сказала Соня. — Я не останусь в машине, а ты возмёшь трубку при мне.

— Если ты передумаешь у двери, возвращаемся.

— Да.

Они вошли в дом. Торшер горел, в трубах журчала вода, но воздух ещё не прогрелся. Марина включила на обоих телефонах запись и только потом подняла трубку.

— Мы ждём спасателей, — сказала она вместо приветствия.

— Они не проедут, пока не уберут дерево, — ответил Антон.

— Ты звонил Надежде Петровне?

Пауза была короткой.

— Она беспокоилась. Я её успокоил.

— Откуда у тебя её номер?

— Соня, отойди от открытой двери. В доме теплее.

Марина повернулась. Соня стояла в прихожей. Дверь за ней была закрыта.

— Какая дверь открыта? — спросила Марина.

— На кухне окно неплотно закрывается. Не цепляйся к словам.

Он видел их через камеру и проверял, насколько точно. Марина не стала поправлять.

— Кто положил на стол папку описи?

— Комиссия прислала документы заранее.

— Кто вошёл в дом?

— Техники. Обычная подготовка объекта.

— Назови их.

— Я приеду и всё объясню.

— Открой ворота сейчас.

— Не могу передать ключ по телефону.

— Отправь человека с ключом. Тот, в жилете, был у ворот.

Антон молчал достаточно долго, чтобы Марина услышала слабый стук клавиш на его стороне.

— Какой человек?

— Его сняли два телефона. Он сказал, что из дорожной службы, но не назвал организацию и ушёл к машине с сире-

ной.

Стук прекратился.

— Значит, помощь приезжала, а ты её прогнала.

— Он отказался представиться и не открыл цепь.

— Потому что ты начала снимать его и кричать.

Марина почувствовала, как готовый рассказ закрывается вокруг них. В нём каждое её действие уже имело другое объяснение: предусмотрительность становилась паникой, вопросы — агрессией, отказ войти — лишением ребёнка тепла.

— Антон, я сообщаю тебе как владельцу охранной компании: законный представитель несовершеннолетней собственности требует прекратить наблюдение, разблокировать выход и сохранить записи без изменения.

— Принял, — сказал он неожиданно легко. — А я сообщаю тебе как человек, который сейчас пытается помочь: сядь, согрейся и не пугай Соню. Ты уже один раз не смогла остановиться вовремя.

Соня побледнела. Марина поняла, о чём он говорит, раньше, чем услышала следующий звук.

В трубке началась запись.

Сначала голос Сони, младше на год: «Тётя Марина, открой дверь». Потом частое дыхание. Удар предмета о кафель. Снова Соня: «Я вызову врача, ладно?»

Марина прижала трубку к аппарату, но не успела отключить громкость. Соня слышала.

— Это тот день, — сказала она.

Запись оборвалась. Антон произнёс:

— Комиссии важно знать, что ребёнок уже спасал взрослого. Не наоборот.

Марина положила трубку. Не бросила — положила точно на рычаг.

Телефон сразу зазвонил снова.

Соня стояла у двери, обхватив себя руками.

— Ты сказала опеке, что врача вызвала соседка.

Марина не ответила.

За окнами генератор гудел ровно, свет не мигал. В доме было достаточно тепло, чтобы больше нельзя было объяснить дрожь холодом.

Глава 4. Чужой список

Телефон звонил, пока Марина считала до десяти.

На восьми Соня отвернулась и пошла в гостиную. На десяти Марина сняла трубку с рычага и положила рядом с аппаратом. Из неё донёлся голос Антона:

— Марина, не делай хуже.

Она не ответила. Не нажала отбой и не выдернула шнур. Если аппарат действительно проходил через охранный блок, любое действие можно было назвать повреждением оборудования. Антон ещё дважды произнёс её имя, потом линия замолчала. В трубке остался сухой шорох.

Марина включила запись на своём телефоне и сказала время. Голос слушался хуже, чем руки. Руки положили трубку так, чтобы отверстия микрофона смотрели в стену, затем закрыли дверь кухни.

Соня стояла у книжного шкафа. Она не рассматривала корешки, только водила пальцем по пыльной полке, оставляя длинную чистую полосу.

— Я собиралась сказать тебе, — произнесла Марина.

— Когда?

— Не знаю.

— Это значит никогда.

— Возможно.

Соня резко обернулась.

— Опять это слово.

— Здесь оно честное.

— А тогда честное слово какое? Когда ты сказала, что соседка вызвала врача?

— Ложь.

Соня ждала продолжения, но Марина не стала добавлять «я хотела защитить нас». Это объяснение уже много раз звучало у неё в голове и от частого употребления стало гладким, как ручка двери. За него удобно было держаться. Оно не меняло того, что произошло.

Год назад Марина заперлась в ванной городской квартиры, потому что сердце билось так, будто пыталось выломать грудную клетку. Она сидела на полу между стиральной машиной и корзиной для белья, не могла вдохнуть до конца и требовала, чтобы Соня ушла в свою комнату. Соня не ушла. Нашла телефон, назвала диспетчеру адрес и открыла входную дверь врачам.

Позже инспектор по опеке спросила, кто вызвал помощь. Марина ответила: соседка услышала шум. Соня сидела рядом и не поправила её.

— Ты заставила меня тоже соврать, — сказала Соня.

— Да.

— Я ничего не говорила.

— Поэтому и заставила.

— А потом ты всем объясняла, что у нас принято говорить правду.

Марина села не рядом с ней, а в кресло напротив. Между ними стоял низкий стол, на котором Ирина когда-то оставляла чашки и вязание. Теперь там лежала папка с описью.

— Я испугалась, что тебя заберут, — сказала Марина. — Решила, что один ложный ответ безопаснее проверки. Это было не так.

— Тебя правда могли лишить опеки?

— Из-за одной панической атаки — вряд ли. Из-за того, что я скрыла её, вопрос будет серьёзнее.

— И ты знала.

— Знала, что ложь может всплыть. Не знала, что у Антона есть запись.

— Ты боялась не за меня. Ты боялась, что про тебя подумают.

Фраза попала точно. Марина хотела возразить: она боялась казённой комнаты, временной семьи, чужих взрослых возле Сониной кровати. Но вместе с этим она боялась заключения коллеги, отметки в деле и того особенного взгляда, которым люди смотрят на психолога, не сумевшего управиться с собственным дыханием. Отделить одно от другого теперь было нельзя.

— И этого тоже, — сказала она.

Соня провела ладонью по полке, посмотрела на серую пыль на коже и вытерла руку о джинсы.

— Он включил запись, потому что знал, что ты не рассказывала мне?

— Он мог рассчитывать на это.

— Откуда запись?

— В тот день я звонила ему после врача. Просила не приезжать. Может быть, записал разговор. Но там был твой голос из ванной.

— Значит, записывали в квартире.

Марина вспомнила маленькую чёрную колонку, которую Антон подарил Соне на Новый год. Колонка умела принимать звонки и отвечать на вопросы, пока Ирина не попросила убрать её из спальни. Потом устройство несколько месяцев стояло на холодильнике. После смерти Ирины Антон помогал перевозить вещи и настраивал охрану в городской квартире.

— Или запись шла с телефона, — сказала Марина. — Сейчас не угадываем.

— Удобно. Когда тебе неприятно — не угадываем. Когда надо запереть меня в машине — опасность достаточная.

— Да, это звучит удобно для меня.

Соня отошла к окну. В стекле отражалась освещённая гостиная, поэтому двор за ним почти исчез. Марина выключила торшер. Отражение ослабло: машина стояла у крыльца, за ней белел двор, цепь на воротах казалась тонкой тёмной чертой.

— Я не требую, чтобы ты сейчас меня простила, — сказала Марина. — Но нам нужно договориться о ближайшем часе.

— Ты всегда так говоришь на работе?

— Иногда.

— Не говори со мной как на работе.

— Хорошо. Я соврала. Тебе. Опеке. Я боялась и выбрала плохой способ. Антон знает об этом и будет использовать. Я не могу сделать так, чтобы этого не было. Могу больше не просить тебя подтверждать мою версию.

— А если моя версия будет против тебя?

— Ты скажешь свою.

— Даже комиссии?

Марина почувствовала, как тело приготовилось к ответу раньше неё: плечи напряглись, живот сжался. Комиссия могла услышать, что Соня вызвала врачей, что взрослый заперся и не отвечал, а потом солгал. Могла спросить, бывали ли другие приступы. Могла решить, что устойчивость дома держалась на молчании ребёнка.

— Даже комиссии, — сказала Марина.

— Не проси меня потом смягчить.

— Не буду.

— И не объясняй им, что я имела в виду.

— Не буду.

Соня кивнула один раз, словно отметила условие, но не приняла извинение.

— Что теперь?

— Согреемся, проверим воду, еду и отопление. Потом посмотрим папку. Ничего в ней не переставляем.

— Почему папку?

— Антон очень хотел, чтобы мы вошли. Она лежала здесь до нас. Если он готовит рассказ для комиссии, часть рассказа может быть на бумаге.

— А если там просто опись?

— Тогда сфотографируем обычную опись.

Марина не сказала, что папка пугала её сильнее часов. Камеру можно найти, провод — проследить, замок — снять. Бумага выглядела невинно и могла пережить любой спор. Дата, подпись, список предметов. Потом чужой человек скажет: это обнаружили в доме умершей женщины. А тот, кто спорит, просто нервничает.

Они не сняли куртки. Марина проверила котёл, не открывая защитную панель. Давление было в зелёной зоне, батареи теплели. Из крана шла вода с запахом железа. В кухонном шкафу стояли запечатанные бутылки, но крышки у двух были слегка поцарапаны. Марина отставила их и принесла воду из машины.

Соня разложила на столе два телефона и свой блокнот.

— Камера сверху видит стол? — спросила она.

Марина подняла глаза. В углу под потолком висел старый датчик движения. Раньше он был частью сигнализации Ирины. Теперь на матовом окошке горела зелёная точка.

— Считаем, что видит.

— Тогда он увидит, что мы нашли.

— Может увидеть, что мы читаем. Пусть.

— А потом заберёт лист.

Марина посмотрела на окна. Подойти к дому незаметно было трудно, но не невозможно. Генератор заглушал шаги со стороны сарая. Двери запирались изнутри, запасной ключ когда-то хранился под водостоком; теперь его там не было.

— Сначала снимем папку целиком, — сказала она. — Потом каждую страницу. Один телефон останется у тебя, второй будет писать комнату. Если кто-то войдёт, мы не удерживаем бумагу. Уходим через заднюю дверь.

— А там сетка на заборе.

— От человека можно закрыться в машине и сигналить. От бумаги защищаться телом не будем.

Соня поставила свой телефон на полку среди фарфоровых чашек. В кадр вошли стол, дверь кухни и обе женщины. Марина вслух назвала дату и время, показала папку со всех сторон. Серый картон, два металлических кольца, прозрачный карман без подписи. На задней стороне — узкая свежая царапина. Папку они нашли закрытой на столе в двенадцать седьмого; до этого не открывали.

— Ты сейчас говоришь как полицейский, — заметила Соня.

— Я говорю так, чтобы через неделю самой помнить порядок.

— Ты забудешь?

— В напряжении люди путают минуты и последовательность. Это не значит, что они всё выдумали.

— Антон скажет, что значит.

— Поэтому записываем.

Марина надела тонкие перчатки из автомобильной аптечки. Соне протянула вторую пару. Девочка не взяла.

— Я не буду трогать.

— Хорошо.

На первой странице стоял заголовок: «Предварительная опись имущества жилого дома». Адрес был правильным. Собственником значилась Ирина Лаврова, хотя после оформления наследства доля перешла Соне. Внизу мелким шрифтом было напечатано: «Осмотр начат 18 января в 11:30».

Марина посмотрела на часы. Было без четверти два.

— В одиннадцать тридцать мы ехали от школы, — сказала Соня.

— Да.

— Они начали без нас.

— На бумаге — начали. Подписей пока нет.

В графе присутствующих оставили пустые строки. Напротив имени Марины стояли напечатанные слова «законный представитель». Имя Сони было внесено полностью, рядом — дата рождения.

Марина сфотографировала страницу сверху, затем четыре угла и номер листа. Отправить снимки было нельзя. Она включила на телефоне режим, запрещающий автоматическую загрузку, хотя сети всё равно не было.

Вторая страница перечисляла мебель гостиной. Старый диван, два кресла, книжный шкаф, телевизор. Всё совпадало, кроме телевизора: Ирина отдала его соседке за месяц до смерти. На стене остались крепление и светлый прямоугольник на обоях.

— Его здесь давно нет, — сказала Соня.

— Когда ты видела последний раз?

— Летом перед больницей. Потом мама отдала тёте Вале. Я помогала нести пульт.

— Запиши отдельно. Не на описи.

Соня открыла блокнот.

— Он специально добавлен?

— Не знаю. Может быть, список старый.

— Дата сегодняшняя.

— Дата печати сегодняшняя. Сведения могли взять откуда угодно.

На третьей странице были кухня и кладовая. Количество тарелок, кастрюль и банок выглядело бессмысленно точным. Двадцать четыре глубокие тарелки. Семь кастрюль. Тридцать одна банка домашних заготовок. В кладовой действительно стояли банки, но на крышках лежал толстый нетронутый слой пыли. Считать их сегодня никто не мог, не оставив следов.

Соня приблизила снимок на своём телефоне.

— Шрифт здесь другой.

Она показала строки о продуктах длительного хранения.

Цифры были чуть уже, буква «а» в слове «банка» имела иной хвост. Марина сняла страницу при боковом свете. Несколько строк казались темнее, будто прошли через принтер вторично.

— Что это доказывает? — спросила Соня.

— Только то, что части могли печатать по-разному.

— Ты всё время уменьшаешь.

— Я отделяю то, что видно, от того, что хочется доказать.

— Мне хочется доказать, что он это сделал.

— Мне тоже. Поэтому особенно нельзя дорисовывать.

Четвёртая страница называлась «Личные вещи и предметы ухода». Первые строки относились к Ирине: очки, трость, грелка, тонометр. Трости у неё никогда не было. В последние месяцы она ходила медленно, но отказывалась даже от складной палки, которую купила Марина.

Ниже значились лекарства.

«Диазепам, таблетки, 10 мг — 3 упаковки».

«Зопиклон, таблетки — 2 упаковки».

«Амитриптилин, таблетки — 4 упаковки».

После каждой строки стояло примечание: «Обнаружено совместно с личными вещами М. Лавровой».

Марина перечитала инициалы. Потом ещё раз.

— Это твоё? — спросила Соня.

— Нет.

— Ты принимала что-нибудь после того раза?

— Врач назначал другое средство на несколько недель.

Этих упаковок у меня не было.

— Может, мамины?

— У Ирины были обезболивающие и лекарства от давления. Названия записаны в выписке. Эти я у неё не видела.

Соня наклонилась к листу.

— Здесь написано твоё имя.

— Написано, что вещи считают моими. Не что нашли при мне.

— Какая разница, если комиссия поверит?

Марина не ответила сразу. Разница была огромной для честного осмотра и почти незаметной для готового вывода. Три упаковки успокоительного, две снотворного, четыре антидепрессанта — не доказательство опасности. Но рядом с записью панической атаки они превращались в картину, которую легко показать одним взглядом: нестабильная женщина, скрытые лекарства, ребёнок, вынужденный звать помощь.

— Для этого и нужна точность, — сказала она. — В списке уже есть вывод, но нет места находки, времени и подписи того, кто нашёл.

— А если коробки лежат наверху?

Марина посмотрела на лестницу.

— Не ищем их сейчас.

— Почему?

— Потому что не знаем, кто в доме и что включится, если мы начнём открывать шкафы. И потому что поиск превратит

нас в людей, которые сами нашли нужные вещи и носили их по комнатам.

— Если они там, надо снять.

— Надо дождаться независимых людей.

— Тех спасателей, которых к нам не пускают?

— Да. Или выбраться к ним.

Соня сжала губы, но не встала.

Марина сняла лист на оба телефона. Потом попросила Соню прочитать названия вслух, не касаясь бумаги. Девочка загнулась на «амитриптилине», рассердилась и начала заново. Голос на записи был ровный, только последнее слово прозвучало тише.

Следующая страница перечисляла вещи Сони: одежду, учебники, старый планшет, серебряную цепочку. Планшет лежал в городской квартире. Цепочку похоронили вместе с Ириной — Соня сама попросила застегнуть её на шее матери.

— Они даже не знают, что здесь, — сказала Соня.

— Или знают кусками.

— Антон был на похоронах. Он видел цепочку.

— Видел, что ты принесла коробочку. Не обязательно видел, что было внутри.

— Хватит его защищать.

— Я не защищаю Антона.

— Тогда кого?

Марина провела пальцем над строкой, не касаясь её.

— Нас от ошибки. Если мы скажем, что только Антон мог составить список, а выяснится, что половину взяли из старой страховки, нам перестанут верить и в остальном.

— Но он всё равно это устроил.

— Я так думаю.

— Ты знаешь.

— Я знаю, что он наблюдает за домом, не открыл ворота и включил чужую запись. Остальное пока собираю.

Соня отвернулась к окну. Во дворе ничего не изменилось.

Внизу пятой страницы была строка, не помещавшаяся в раздел одежды. «Куртка детская зимняя, светлая, со следами вещества бурого цвета, предположительно кровь — 1 шт.» Место обнаружения: «шкаф спальни второго этажа». Состояние: «влажная».

Марина прочитала молча.

— Что? — спросила Соня.

Марина повернула папку на несколько градусов, чтобы ей было видно.

Соня прочитала. Её лицо словно стало меньше.

— У меня нет светлой куртки.

— Сейчас на тебе тёмно-синяя. Прошлой зимой какая была?

— Зелёная. До неё красная.

— В доме могла остаться старая одежда другого ребёнка?

— Нет. Мама всё моё складывала в синие коробки. Мы отдали их после похорон.

Марина сфотографировала строку, весь лист, нумерацию. На полях возле слова «кровь» виднелась едва заметная вмятина от ручки, как будто поверх лежал другой лист, когда кто-то делал запись. Но сама строка была напечатана.

— «Влажная», — сказала Соня. — Они написали, что она влажная до того, как мы приехали.

— Да.

— Значит, её положили сегодня.

— Если куртка существует и если описание сделано после осмотра.

— Зачем кровь?

Марина услышала в вопросе не любопытство. Соня уже увидела рассказ целиком: исчезнувшая девочка, куртка в шкафу, взрослый, который скрывал приступ и лекарства.

— Чтобы напугать. Или чтобы тот, кто читает, сделал вывод раньше проверки.

— Они хотят сказать, что ты меня ударила?

— В листе этого нет.

— А что они хотят?

— Я не буду говорить за них.

— Егор говорил про пропавшую девочку.

Имя прозвучало впервые с момента въезда. Марина быстро посмотрела на датчик под потолком. Зелёная точка не мигнула.

Соня поняла и закрыла рот ладонью.

— Не повторяй имя, — тихо сказала Марина.

— Ты сама рассказала, что кто-то предупреджал.

— Без имени.

— Я забыла.

— Ничего. Больше не называем.

Марина почувствовала злость на себя. Тайна Егора уже просочилась в дом не через признание, а через необходимость объяснять решения. Антону достаточно было услышать одно имя, чтобы найти школьника, мать, долг по зарплате. Даже если камера не писала звук, телефон на кухне мог оставаться открытой линией.

Она подошла к аппарату. В трубке по-прежнему шуршало. Марина показала это на видео, не касаясь провода, затем накрыла трубку сложенным кухонным полотенцем.

— Нельзя просто отключить? — спросила Соня.

— Тогда мы потеряем единственную линию, по которой кто-то ещё может дозвониться.

— По ней звонит только он.

— Пока только он.

Они вернулись к папке. За страницей с курткой шёл акт без подписей. В нём уже были набраны фразы: «В ходе осмотра законный представитель проявляла эмоциональную неустойчивость», «препятствовала фиксации имущества», «намеревалась покинуть место до завершения обязательных действий». Пустыми оставались только время и фамилии членов комиссии.

Соня прочла через плечо Марины.

— Это про сегодня.

— Это заготовка про сегодня.

— Они знали, что ты захочешь уехать.

— Мы заранее просили перенести осмотр.

— И знали, что ты не дашь им лазить по дому.

— Могли предположить.

— Тут всё уже написано. Зачем им мы?

Вопрос был точнее всех предыдущих. Если целью была бумага, подпись Марины не требовалась. Требовалось её присутствие в месте, где заранее разложены предметы, работают камеры и существует выход только через человека с ключом. Каждый отказ становился поведением для акта. Каждая попытка выехать — намерением скрыться. Каждая вспышка страха — неустойчивостью.

— Чтобы запись совпала с текстом, — сказала Марина.

— Какая запись?

— Наша. Как мы спорим. Как я трогаю вещи. Как ты плачешь или просишь уехать.

— Я не плачу.

— Я знаю.

— А если заплачу, это не доказывает, что ты опасная.

— Не доказывает.

— Тогда почему ты смотришь на меня так, будто мне нельзя?

Марина отвела глаза. Даже сейчас она пыталась управлять не только безопасностью Сони, но и тем, как девочка будет

выглядеть на чужой записи.

— Тебе можно, — сказала она. — И злиться можно. Я не буду просить сыграть спокойную семью.

— Уже попросила. Только без слов.

— Да.

Снаружи раздался металлический удар.

Обе замолчали.

Удар повторился со стороны ворот. Не громкий, как если бы цепь натянули и отпустили. Марина закрыла папку, не меняя положения страниц. Соня взяла телефон с полки. Они подошли к окну сбоку, не вставая перед стеклом.

Возле ворот никого не было. Цепь висела на месте. За поворотом коротко показался синий свет и исчез.

— Он вернулся? — спросила Соня.

— Не вижу.

Из кухни донёсся голос. Не звонок — голос из-под полотенца.

— Марина, комиссия задерживается. Начните сверку сами.

Антон всё это время оставался на линии.

Соня побледнела и посмотрела на папку.

— Он слышал.

Марина сняла полотенце. Трубка лежала так же. Она не стала подносить её к уху.

— Мы не проводим осмотр без комиссии, — сказала она с расстояния.

— Вы уже его проводите. Очень обстоятельно.

— Разблокируй ворота.

— Сначала убедись, что Соня в порядке. В спальне наверняка есть её вещи.

— Мы не пойдём наверх.

— Боишься найти куртку?

Соня отступила от стола.

Марина смотрела на трубку. Антон не просто знал содержание списка. Он ждал их решения после этой строки.

— Куртку должны осматривать независимые люди, — сказала она.

— Какие люди независимые, Марина? Твои знакомые? Та учительница, которую ты заранее настроила? Школьник, которого ты втянула во взрослую войну?

Соня резко подняла глаза.

Он слышал имя. Или знал раньше.

Марина почувствовала желание схватить аппарат и требовать, чтобы Антон сказал, что сделал с Егором. Именно этого он мог ждать: имени, обвинения, признания, что школьный приём связан с поездкой. Она заставила себя не приближаться.

— Вызванные спасатели и полиция, — сказала она. — Сохрани всё оборудование и записи. Не входи в дом.

— Это мой дом не меньше, чем твой.

— Нет. Дом принадлежит Соне.

— Тогда пусть Соня решит, открыть ли свой шкаф.

Голос стал мягче.

— Соня, ты слышишь? Если тётя ничего не сделала, ей нечего бояться. Поднимись и покажи на камеру, что там.

Соня шагнула к лестнице.

Марина не схватила её. Встала между лестницей и гостиной, оставив расстояние.

— Это твой дом, — сказала она. — Но сейчас наверху может быть человек, ловушка или предмет, который хотят связать с тобой. Я прошу не идти.

— Ты запрещаешь? — спросила Соня.

— Да. Пока мы не проверили безопасность, я запрещаю идти наверх одной. Я тоже не пойду.

Антон усмехнулся в трубке.

— Вот так она всегда и решает за тебя.

Соня смотрела на Марину.

— Если я всё равно пойду?

— Пойду рядом и постараюсь вывести тебя обратно. Но шкаф открывать не станем.

Несколько секунд Соня не двигалась. Затем отступила от первой ступени.

— Я не пойду, потому что сама не хочу, — сказала она громко. — Не потому что она заставила.

Антон ответил не сразу.

— Хорошо. Тогда ждите. Я скоро буду.

Линия оборвалась. В трубке исчез шорох.

Марина подошла и положила её на рычаг. Почти сразу

свет в доме мигнул. Генератор за стеной сбился, снова набрал обороты.

— Он может удалить запись? — спросила Соня.

— Может попытаться. У нас две копии.

— На двух телефонах, которые заперты вместе с нами.

Марина открыла свой блокнот и переписала главные строки от руки: лекарства, куртка, заранее составленный акт. Рядом указала номера страниц и время. Соня сделала то же в своём блокноте, не глядя на её формулировки.

— Почему оригинал не взять? — спросила она.

— Если унесём, он скажет, что мы заменили листы или украли документ комиссии.

— Если оставим, он его заберёт.

— Поэтому копии. Оригинал остаётся там, где мы его нашли.

Марина проверила фотографии. На нескольких бликовал потолочный свет. Они пересняли страницы у окна, не вынимая из колец. Потом сняли непрерывное видео: обложка, каждый разворот, номера листов, пустые подписи, возвращение папки в исходное положение. Соня заметила крошечную чёрную точку на металлическом кольце.

— Ещё камера?

Марина приблизила телефон. Это была капля краски, без стекла и отверстия.

— Похоже на краску.

— Не трогай.

— Не буду.

Они закрыли папку. Марина положила её ровно по светлomu прямоугольнику на столешнице, который остался в пыли. Царапина на задней стороне снова смотрела к окну. Рядом ничего не оставили.

— Теперь что? — спросила Соня.

— Забираем воду и аптечку из машины. Проверяем заднюю дверь. Потом выбираем одну комнату внизу и не разделяемся.

— А запись про тот день?

Марина поняла, что надеялась отложить разговор хотя бы до темноты.

— Что ты хочешь знать?

— У тебя после этого ещё было?

— Такой силы — нет. Несколько раз начиналось, но я выходила из комнаты, дышала, звонила врачу.

— Мне не говорила.

— Нет.

— Опеке?

— Нет.

Соня медленно застегнула куртку до подбородка.

— Значит, он не всё придумал.

— Не всё. Он берёт то, что было, отсекает причины и добавляет то, чего не было. Поэтому это работает.

— А причины какие?

Марина посмотрела на фотографию Ирины на книжной

полке. Сестра сидела на ступеньках этого дома, щурилась от солнца и держала на коленях семилетнюю Соню. После похорон Марина отвечала на вопросы опеки, разбирала долги, искала детского врача, возвращалась к работе раньше, чем могла спать без света. Антон появлялся с готовыми решениями, а она отказывалась от них так яростно, будто любой принятый совет передавал ему часть права на ребёнка.

— Я устала и не попросила помощи вовремя, — сказала она. — Это причина, но не оправдание лжи.

— Если я расскажу всё, меня заберут?

— Я не знаю.

— Скажи нормально.

— Могут начать проверку. Могут временно решить, что нам нужен другой взрослый рядом. Могут оставить тебя со мной и установить наблюдение. Я не могу обещать результат.

— К Антону?

— У него нет автоматического права на опеку. Он тебе не отец и не усыновитель.

— Но у него деньги.

— Да.

— И знакомые.

— Да.

— Тогда зачем правда?

Марина закрыла блокнот.

— Потому что если мы строим защиту на твоём молчании, она становится такой же ловушкой. Антон сможет

включать эту запись каждый раз, когда ему понадобится. А ты будешь следить, какую часть жизни разрешено вспоминать.

— Красиво говоришь.

— Неприятно жить.

Соня почти улыбнулась, но передумала.

Они вышли на крыльцо вместе. Мороз сразу прихватил влажные ресницы. Марина первой осмотрела двор, затем они дошли до машины. Никого. След человека в жилете уже присыпало снегом, зато возле заднего колеса появился новый отпечаток. Крупный, с круглым знаком посередине — такой же, как у цепи.

Марина остановила Соню жестом.

— Этого не было, — сказала девочка.

— Я тоже не помню.

— Ты снимала машину.

Они открыли прежнее видео. На снегу у заднего колеса была гладкая белая полоса. Теперь отпечаток входил в неё со стороны дома и обрывался у бампера. Обратный след ветер ещё не мог скрыть полностью, но его не было.

— Он шёл по нашим следам, — сказала Соня.

Марина посмотрела на собственные вмятины между крыльцом и машиной. В нескольких местах края были смяты другим ботинком. Человек пришёл от дома или сарая, ступая туда, где уже прошли они.

Марина не стала наклоняться к машине. Сняла общий

план, затем отпечаток с ключами для размера. Под бампером виднелся край прозрачного пакета.

— Не трогай, — сказала Соня.

— Не трогаю.

В пакете лежало что-то прямоугольное, похожее на аптечную коробку.

Они отступили к крыльцу. Марина достала из багажника только воду и аптечку, не приближаясь к заднему колесу. Закрыла машину и проверила ручки.

— Лекарства? — спросила Соня.

— Может быть.

— Из списка.

— Может быть.

На этот раз Соня не рассердилась на слово. Она подняла телефон и сняла пакет издалека.

Со стороны второго этажа донёсся короткий скрип.

Они одновременно посмотрели вверх. За окном спальни качнулась занавеска. Не от ветра: рама была закрыта, а ткань отошла в сторону и медленно вернулась.

Марина взяла Соню за рукав. Не потянула, только коснулась.

— В машину? — шёпотом спросила Соня.

Цепь не позволяла выехать. В салоне их было видно со всех сторон, а под задним бампером лежал неизвестный предмет. В доме оставались стены, вода, два выхода и человек, который мог находиться наверху.

— В гараж, — сказала Марина.

Они пошли не бегом. Бег на чужой записи выглядел бы паникой, мелькнула нелепая мысль. Марина тут же отбросила её и ускорила. Сейчас важнее было не то, как движение назовут потом, а успеют ли они закрыть дверь.

В гараже пахло бензином и холодным металлом. Марина повернула ключ изнутри. Соня поставила воду на верстак и прислонилась к стене.

— Ты видела?

— Занавеска двигалась.

— Там кто-то есть.

— Возможно.

— Марина.

— Да. Будем считать, что наверху человек.

За стеной дома генератор работал всё так же ровно. Потом обороты на секунду упали. В гараже загорелась единственная лампа, хотя выключатель никто не трогал.

На верстаке завибрировал Сонин телефон.

Сети не было. Входящего звонка тоже. На экране появилось уведомление от домашней системы, к которой Соня никогда не подключалась:

«ОПИСЬ ПРОДОЛЖЕНА. СПАЛЬНЯ 2».

Под строкой загружалось маленькое изображение. Светлая детская куртка лежала на кровати. На груди темнело большое мокрое пятно.

Марина успела снять экран своим телефоном прежде, чем

изображение исчезло.

Осталась только надпись:

«ОШИБКА СОЕДИНЕНИЯ».

Глава 5. Камера в часах

Уведомление исчезло, но снимок остался на телефоне Марины.

Она увеличила изображение. Светлая куртка лежала поперёк кровати в комнате Сони. Рукава были расправлены, молния застёгнута до половины. Тёмное пятно шло от левого кармана к поясу. В верхнем углу кадра стояло время: тринадцать пятьдесят восемь.

Сейчас было четырнадцать ноль две.

— Четыре минуты назад, — сказала Соня.

— Если часы системы выставлены правильно.

— Комната моя. Покрывало мамино.

— Да.

— Куртка не моя.

— Я слышу.

Марина сняла крупно экран, затем открыла сведения о полученном уведомлении. Приложения с таким знаком на телефоне не было. В истории уведомлений сохранилась только строка «Дом ИЛ», отправитель не определился. Телефон мог принять локальный сигнал через беспроводную сеть, даже когда не было интернета.

— У тебя включён вай-фай?

Соня проверила.

— Был выключен. Теперь включён.

— Ты включала?

— Нет.

Марина не попросила доказать. Они обе видели экран до этого, но не снимали меню настроек. Любой спор о том, кто нажал значок, будет пустым.

— Выключи телефон совсем, — сказала Марина.

Соня прижала его к груди.

— Там фото и видео.

— Данные не исчезнут. Эта система может послать ещё что-нибудь или получить доступ.

— А твой?

— Переведу в режим полёта и оставлю для съёмки.

— Значит, твой нужен, а мой опасный.

Марина почувствовала знакомое раздражение: сейчас не время снова обсуждать власть. Следом пришло другое понимание — именно сейчас власть и была главным вопросом. Антон обращался к Соне напрямую, подсовывал ей право выбора, которого не собирался уважать. Если Марина отвечала тем же способом, различие оставалось только в намерениях.

— Выбор твой, — сказала она. — Я советую выключить. Можно сначала сохранить копию на карту памяти и вынуть её.

— Покажи как.

Они сели на корточки возле верстака, спиной к стене. Марина не брала телефон из рук Сони. Говорила, куда нажать.

Девочка скопировала папки с фотографиями и видео на маленькую карту, выключила аппарат, вынула лоток и спрятала карту во внутренний карман.

— Если заберут куртку, останется фото, — сказала она.

— Останется фото того, что нам показали. Оно не доказывает, что куртка сейчас в комнате.

— Ты видела занавеску.

— Видела. Это отдельный факт.

— Иногда я тебя ненавижу.

— Иногда можно.

За дверью гаража хрустнул снег.

Марина погасила лампу. В темноте стал виден узкий свет под дверью, ведущей в дом. Кто-то прошёл по двору от крыльца к сараю или ветер сбросил снег с крыши. Они ждали. Второго шага не было.

В гараже быстро холодало. Двигатель машины оставался во дворе; заводить его отсюда было нельзя. На полке стояла канистра с бензином, но обогреватель имел повреждённый провод. Можно было закрыться на час, не на ночь.

Марина осмотрела внутреннюю дверь. Она вела в кладовую возле кухни и запиралась старым засовом со стороны гаража. Если человек был на втором этаже, до задней двери они могли добраться через кладовую и коридор, не проходя под лестницей. Но сначала нужно было понять, не ждут ли их за тонкой дверью.

Она взяла с верстака круглое автомобильное зеркало на

длинной ручке. Ирина пользовалась им, когда парковалась у стены до установки камеры заднего вида. Марина тихо отодвинула засов и приоткрыла дверь на ширину пальца. Простунула зеркало.

В кладовой никого. Дверь в коридор была открыта. В отражении виднелся кусок кухни и нижняя ступень лестницы.

— Я иду первой, — прошептала Марина. — Ты держишь дверь. Если я говорю «назад», закрываешь и засовываешь, даже если я не успела.

— Нет.

— Почему?

— Я не закрою тебя там с ним.

— Тогда мы обе можем остаться без безопасной комнаты.

— Значит, идём вместе.

Марина хотела приказать. Вместо этого посмотрела на путь: три шага через кладовую, дверь, ещё четыре до заднего выхода. Разделяться ради семи шагов действительно было опаснее.

— Вместе. Ты за мной, держишь расстояние в один шаг. Не хватаешь меня, если я остановлюсь.

— Я знаю.

Они вошли в кладовую. Марина несла зеркало и тяжёлый фонарь, но не поднимала его как оружие. Ударить человека она, возможно, смогла бы. Ударить раньше, чем увидит его руки и намерение, — нет.

В доме было тихо. Телефон не звонил. Генератор гудел за

стеной, батареи щёлкали при нагреве. Сверху не доносилось ни шага.

Марина вывела зеркало в коридор. Лестница была пуста. Дверь гостиной открыта, папка лежала на столе. Входная дверь закрыта.

Они дошли до задней двери. На внутренней ручке висела тонкая белая нитка, которой раньше не было. Марина остановилась так резко, что Соня почти коснулась её спины.

— Что?

Марина показала. Нитка уходила к верхнему косяку и терялась в тени.

— Сигнализация?

— Или просто нитка. Не трогаем.

Задний выход отпал. Возвращаться в гараж означало сидеть рядом с канистрой и ждать Антона. Оставался главный вход, который просматривался камерой, или окно первого этажа. Окна открывались внутрь, но снаружи под ними лежал глубокий снег.

Соня указала на гостиную.

— Часы.

На стене над комодом висел круглый деревянный корпус. Секундная стрелка двигалась рывками. Чёрная точка возле цифры четыре была видна даже из коридора.

— Сейчас не до камеры, — сказала Марина.

— Она видит дверь. Если закроем, он не узнает, куда мы ушли.

— Заккрытие может включить сигнал.

— Человек наверху уже знает, где мы.

— Мы не знаем, человек ли.

Соня устало закрыла глаза.

— Ты только что сказала считать, что человек.

— Считать для безопасности. Не выдавать за доказанное.

— Пока ты подбираешь правильные слова, он раскладывает кровь по моей кровати.

Марина посмотрела на часы. Егор предупреждал именно о них. Не трогать корпус: он завязан на сигнализацию. Но оставленная камера позволяла видеть каждый выход из гостиной. Снять её означало риск. Закрыть объектив непрозрачным предметом можно было без касания корпуса, но система заметит потерю изображения.

— Не снимаем, — сказала Марина. — Сначала перекроем обзор.

Они вернулись в гостиную вдоль стены, оставаясь вне прямого сектора объектива. Марина взяла высокую напольную лампу. Шнур тянулся к розетке, поэтому она не включала её и не переносила дальше длины провода. Поставила между часами и дверями. Абажур закрыл нижнюю половину комнаты.

Секундная стрелка остановилась.

— Она шла, — прошептала Соня.

— Шла.

Через три секунды стрелка совершила пять быстрых рыв-

ков и снова остановилась.

На кухне зазвонил телефон.

Они не двинулись.

Звонок прекратился. Из динамика в потолочном датчике раздался короткий писк. Зелёная точка стала красной.

— Он видит, что закрыли, — сказала Соня.

— Или система видит.

— Разница сейчас какая?

Почти никакой. Марина подняла телефон и сняла часы, лампу, красную точку датчика. Затем, не касаясь корпуса, провела фонарём по стене. От часов вниз не шло провода. Питание могло быть батарейным, связь — по радио. За корпусом на обоях темнел новый прямоугольный след, будто часы недавно снимали и вернули чуть выше.

— Можно повесить полотенце на лампу, — сказала Соня.

— Закроет всё.

— Может нагреться, если свет включают удалённо.

Они обе посмотрели на лампу. Антон уже включал торшер и гаражный свет.

Марина выдернула вилку из розетки, показав действие камере телефона. После этого набросила на абажур пальто Ирины из прихожей. Плотная ткань подняла заслон почти до часов. Объектив теперь видел только потолок и узкую полосу стены.

В потолочном датчике прозвучали два писка.

Сверху скрипнула половица.

Соня взяла Марину за запястье. На этот раз Марина не стала просить отпустить.

Кто-то или что-то переместилось в комнате над гостиной. Потом раздался лёгкий удар — предмет положили на пол или закрыли дверцу шкафа.

— В гараж, — шепнула Марина.

— Там нас запрут.

— Через кладовую.

Они начали отходить. В этот момент часы издали голос.

— Не закрывайте объектив.

Говорил не Антон. Женский механический голос повторил фразу дважды, с одинаковым ударением.

— Устройство находится в режиме охраны. Не закрывайте объектив.

На комоде под часами загорелся экран старого планшета. Раньше он лежал лицом вниз среди журналов. Теперь на нём появилась схема дома: первый этаж, второй, гараж, ворота. В гостиной мигал красный кружок. У ворот горел жёлтый.

Соня подняла свой выключенный телефон, словно хотела проверить, не он ли говорит.

— Планшет из описи, — сказала она. — Там написано, что он в городской квартире.

— Не трогай.

— Он мамин. Был мамин.

На экране возникла строка: «ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ СОНЯ: ПОДТВЕРДИТЕ ПРИСУТСТВИЕ».

Под ней появились две кнопки: «Я ДОМА» и «НУЖНА ПОМОЩЬ».

— Не нажимай, — сказала Марина.

— Даже помощь?

— Мы не знаем, кому уйдёт сигнал.

— А если спасателям?

— Антон управляет системой.

— Он мог подключить настоящую тревожную кнопку.

Это было возможно. Охранные системы действительно передавали сигнал диспетчеру, а оператор мог вызвать группу. Но Антон владел компанией, чей пакет лежал в прихожей, и уже прислал человека с сиреной без удостоверения. Нажатие «Нужна помощь» могло создать запись, будто Соня сама просила охрану забрать её от Марины.

— Не нажимаем ни одну, — сказала Соня прежде, чем Марина ответила. — Сфотографируем.

Марина кивнула.

Экран погас раньше, чем камера успела навести резкость. Остался снимок с бликом, но слова читались.

Из потолочного датчика снова прозвучал голос:

— Восстановите обзор в течение шестидесяти секунд.

На часах секундная стрелка пошла назад.

— Это не часы, — сказала Соня.

— Таймер.

Стрелка перескочила с двенадцати на одиннадцать, затем на десять. Каждая цифра означала пять секунд.

Марина сняла пальто с лампы. Объектив снова открылся. Стрелка замерла между девятью и десятью, после чего пошла обычным ходом. Красная точка на датчике стала зелёной.

— Значит, любое закрытие вызывает отсчёт, — сказала Соня.

— Да.

— Что после нуля?

— Не проверяем.

— Если он всё равно скоро придет, нам надо знать.

— Цена проверки может быть запертая дверь или сирена.

— Ворота уже заперты.

— Может заблокироваться дом.

Соня посмотрела на входную дверь. Затем на нитку у заднего выхода.

— Он хочет, чтобы мы сидели перед камерой.

Марина не ответила. Это было видно без вывода.

Проводной телефон зазвонил. Один раз, второй, третий. Затем включилась громкая связь.

— Система старая, — сказал Антон. — Не ломай её. Камера нужна для охраны Сониного имущества.

— Отключи удалённый доступ и открой ворота, — ответила Марина.

— Ты закрыла обзор и напугала ребёнка сиреной.

— Сирены не было.

— Пока не было.

Он произнёс это спокойно, но предупреждение было яс-

НЫМ.

— В доме посторонний, — сказала Марина. — На втором этаже двигалась занавеска и слышны шаги.

— В доме только вы.

— Откуда ты знаешь?

— Камеры показывают первый этаж. Датчики наверху не сработали.

— Значит, ты наблюдаешь в реальном времени и управляешь системой.

— Я пытаюсь не дать тебе уничтожить имущество.

— Кто положил куртку в спальне?

Антон помолчал.

— Какую куртку?

— Ту, фотографию которой система отправила на телефон Сони.

— Ты сама дала системе её номер.

— Нет.

— Номер был в семейном профиле. Ирина настраивала уведомления.

Соня покачала головой. Планшет появился в доме после смерти Ирины или был принесён сегодня — в описи он значился в другом месте. Но спор о том, кто когда настроил профиль, не открывал двери.

— Кто сделал фотографию в тринадцать пятьдесят восемь? — спросила Марина.

— Автоматическая камера.

— Тогда камера есть и наверху.

— Я не обязан разбираться по телефону в каждом датчике старого дома. Открой шкаф, увидишь обычную куртку.

— Ты только что сказал, что не знаешь, о какой куртке речь.

— Я вижу, к чему ты ведёшь. Ты нашла вещь и теперь создаёшь вокруг неё историю.

Слова легли точно поверх заготовленного акта: эмоциональная неустойчивость, препятствие осмотру, попытка уехать. Теперь добавлялось уничтожение оборудования и выдуманная угроза.

— Мы не поднимались наверх, — сказала Марина.

— Значит, не можешь знать, что там есть.

— И ты не можешь.

Антон вздохнул.

— Я приеду через сорок минут. Не трогай часы. В корпусе резервная тревожная кнопка. Если сорвёшь, ворота встанут на механическую блокировку, и придётся ждать мастера.

— Ворота уже заблокированы цепью.

— Цепь можно открыть ключом. Механизм — только сервическим приводом.

Марина посмотрела на часы. Он заранее назвал последнее, словно ждал именно этого действия.

— Почему ты говоришь это сейчас?

— Потому что вижу лампу под камерой и знаю твой характер.

— Ты велел техникам связать часы с воротами?

— Не придумывай преступление из обычной охраны.

Громкая связь отключилась.

Соня подошла к комоду, но не касалась ни планшета, ни часов.

— Он соврал, что камера только внизу.

— Да.

— И сказал, что будет, если снять часы.

— Да.

— Потому что хочет, чтобы мы сняли?

— Или чтобы не снимали. Оба варианта ему полезны.

— Тогда что полезно нам?

Марина посмотрела на входную дверь. Через сорок минут Антон мог приехать с ключом и людьми, которые называются комиссией. Оставаться под камерой означало дать ему непрерывную запись. Снять корпус — выполнить заранее описанный сценарий повреждения. Можно было выйти во двор и ждать у машины, но неизвестный пакет под бампером и человек наверху делали этот путь не безопаснее.

— Узнать, как устройство устроено, не снимая его, — сказала она.

В ящике комода Ирина держала маленькое зеркало для свечей и телескопическую палку для окон. Марина нашла их на прежнем месте. Прикрепила зеркало к концу палки резинкой из аптечки. С пола можно было заглянуть за корпус, не касаясь его.

— Я держу телефон, — сказала Соня.

— Сбоку. Не под часами.

Марина медленно подняла зеркало. За деревянным кругом виднелась металлическая пластина и два провода: красный уходил в маленький чёрный блок, белый спускался к стене и входил в едва заметное отверстие в обоях. Корпус держался не на обычном гвозде, а на защёлке с пружиной.

— Сними крупнее, — сказала Марина.

Соня приблизила камеру. На чёрном блоке была наклейка «ЛЩ-МК2» и серийный номер. Под ней — крошечный переключатель с надписями «ARM» и «TEST».

— Это не старое, — сказала Соня.

— Наклейка чистая. Больше не знаем.

В зеркале появился красный огонёк.

Он загорелся на чёрном блоке, хотя они ничего не коснулись. Затем часы пискнули.

— Обнаружено вмешательство, — произнёс механический голос.

— Мы не трогали! — сказала Соня.

Стрелка снова пошла назад.

— Убираем палку, — сказала Марина.

Она опустила зеркало. Отсчёт не прекратился.

— Восстановите корпус, — сказал голос.

— Он на месте, — ответила Соня, будто система могла услышать и исправиться.

Стрелка прошла цифру восемь.

Марина осветила край часов. Между корпусом и стеной появилась щель в два миллиметра. Зеркало не касалось дерева, но телескопическая палка могла задеть белый провод или воздух от движения качнул неплотно закреплённый корпус. Либо сигнал включили удалённо именно сейчас.

— Не прижимай рукой, — сказала Соня.

— Если ничего не сделать, дойдёт до нуля.

— Он сказал, что это ловушка.

Стрелка перескочила на семь.

Марина взяла чистую салфетку, чтобы не оставлять новых следов, и прижала нижний край часов к стене. Корпус щёлкнул. Отсчёт продолжился.

— Восстановите корпус, — повторил голос.

— Он восстановлен.

Шесть.

На планшете загорелась схема. Красным мигала гостиная. Жёлтый кружок у ворот стал оранжевым.

— Может, защёлка сверху, — сказала Соня.

Марина подняла зеркало без палки, держа руку в стороне от корпуса. Верхняя пружина вышла из паза. Чтобы вернуть её, часы надо было поднять на сантиметр и посадить обратно. Это уже означало снять корпус.

Пять.

— Отходим, — сказала Марина.

— И ждём?

— Да. Не будем делать то, что он заранее нам написал.

Они отступили к коридору.

Четыре.

Из гаража донёсся щелчок. Марина узнала звук засова, хотя никто не мог отодвинуть его с этой стороны. Вероятно, в замке был электрический привод, скрытый под старой накладкой.

Три.

Входная дверь коротко дрогнула. Замок повернулся сам. Марина бросилась к ней и нажала ручку. Дверь не открылась.

— Нас закрывает, — сказала Соня.

Два.

— К окну.

Они подошли к ближайшему окну. Марина повернула ручку. Створка отошла на ладонь и упёрлась во что-то снаружи. За стеклом вдоль рамы проходила новая металлическая скоба.

Один.

Секундная стрелка остановилась на двенадцати.

На мгновение весь дом затих. Генератор заглох, батареи перестали щёлкать, свет погас. Затем под потолком вспыхнули красные лампы.

Сирена ударила так громко, что Марина прикрыла уши. Соня согнулась. Звук шёл из двух датчиков и из часов, три тона немного расходились, поэтому казалось, будто стены дрожат.

На планшете появилась надпись:

«ТРЕВОГА. ВЫХОДЫ ЗАБЛОКИРОВАНЫ».

Ниже отсчитывались пять минут до передачи сигнала группе реагирования.

Марина потянула Соню в коридор, дальше от динамиков. Красные лампы мигали. При каждом всполохе лестница возникала из темноты и исчезала.

Сверху хлопнула дверь.

Теперь звук нельзя было принять за половицы.

Кто-то быстро прошёл по второму этажу.

— В гараж! — крикнула Марина.

Соня не услышала или поняла по губам. Они бросились к кладовой. Внутренняя дверь гаража не поддавалась. Электрический замок удерживал её, а старый засов остался с гаражной стороны.

Марина ударила плечом. Бесполезно.

На лестнице появилась тень.

Она закрыла Соню собой и подняла фонарь. Луч выхватил верхнюю площадку. Там никого не было. По ступеням катился маленький предмет, подпрыгивая на каждом краю.

До пола докатилась батарейка.

Такая же стояла в часах.

Сирена оборвалась на середине тона.

В наступившей тишине Марина услышала дыхание Сони и двигатель за воротами.

На планшете осталось три минуты сорок секунд. Надпись изменилась:

«ГРУППА ПРИНЯЛА ВЫЗОВ».

За окном мигнул синий свет.

— Быстро, — сказала Соня. — Они были рядом.

Марина посмотрела на батарейку у лестницы, затем на часы. Если батарейка выпала из корпуса, значит, кто-то снял заднюю крышку наверху или приготовил такую же заранее. Система могла быть театром, но замки были настоящими.

Она вернулась к входной двери и сняла ручку на видео. Та не двигалась. Показала окно со скобой, экран планшета, часы со щелью у стены. Соня снимала отдельно.

— Не трать время, — сказала девочка.

— Это не трата.

— Если войдут люди Антона, они всё перезапишут.

— Поэтому и снимаю.

Синий свет приблизился. За воротами хлопнула дверца машины.

Кто-то ударил по цепи.

— Охрана! — крикнул мужской голос. — Кто вызвал тревогу?

Это был тот же голос, что у человека в безымянном жилете.

Соня узнала его тоже.

— Не настоящая группа, — сказала она.

Марина подошла к окну, не открывая створку.

— Назовите фамилию и номер экипажа!

— Откройте дверь. Сработала тревожная система.

— Дверь заблокирована вашей системой. Вызваны 112 и полиция. Покажите удостоверение в окно.

Мужчина не подошёл к свету. Синий маячок отражался от снега, но машина стояла за поворотом, вне обзора.

— В доме ребёнок, — сказал он. — Нам поступил сигнал об угрозе.

— От кого?

— От собственника системы.

— Собственник дома — Соня Лаврова. Она рядом и не вызывала вас.

Молчание длилось несколько секунд.

— Антон Сергеевич сообщил, что вы повредили оборудование и удерживаете несовершеннолетнюю.

Готовый рассказ оказался быстрее сигнала. Группа не просто ждала рядом — она знала, какую фразу произнести.

Соня включила свой телефон, не вставляя карту. Экран загрузился в режиме без сети. Она начала снимать мужчину через стекло.

— Я Соня Лаврова! — крикнула она. — Меня удерживает ваша дверь. Откройте ворота и отойдите от дома!

Марина не остановила её.

Мужчина у цепи повернулся к напарнику, которого они не видели. Ответил тише:

— Девочка возбуждена. Взрослая подсказывает.

— Я сама говорю! — крикнула Соня.

— Соня, отойди от окна, — произнёс он почти ласково.

— Сейчас приедет Антон Сергеевич.

— Я не просила Антона!

Мужчина взялся за цепь. Замок щёлкнул. Он снял её со скобы, но ворота не открылись. Где-то под снегом загудел привод. Створки дёрнулись внутрь на сантиметр и остановились.

На планшете появилась новая строка: «МЕХАНИЧЕСКАЯ БЛОКИРОВКА АКТИВНА».

Антон не лгал о последствиях. Он только умолчал, что его люди окажутся у ворот раньше, чем закончится отсчёт.

— Отключите блокировку! — крикнула Марина.

— Нужен мастер, — ответил мужчина. — Вы сорвали датчик корпуса.

— Корпус не снят.

— Система показывает вмешательство.

Он подошёл ближе. Теперь Марина увидела на его куртке маленькую нашивку «Лебедь-Щит», которой не было на жилете. Лицо оставалось закрыто шарфом. На подошвах ботинок был круглый знак.

— Покажите удостоверение.

— После допуска на объект.

— Доступа нет.

— Тогда ждите собственника системы.

Он отошёл к воротам, оставив цепь на снегу. Формально путь теперь закрывал не человек, а неисправная автоматика. Всё выглядело как последствие действий Марины.

Свет в доме вернулся. Замки остались закрыты. Часы снова пошли, будто ничего не случилось. Только верхний край корпуса отставал от стены.

Марина посмотрела на лампу, зеркало и салфетку на полу. Если комиссия войдёт сейчас, она увидит следы вмешательства. Видео показывало последовательность, но видео можно объявить неполным.

— Мы не будем это исправлять, — сказала Соня.

— Не будем.

— И не будем открывать шкаф.

— Не будем.

— И ты не скажешь, что я кричала из-за паники.

— Нет. Ты сообщила человеку за воротами, что тебя удерживает дверь.

Соня кивнула, будто записала формулировку для себя.

Сверху снова скрипнула половица.

Мужчина у ворот поднял голову, но не отреагировал. Значит, либо не услышал из-за стекла, либо знал, кто находится в доме.

Марина направила камеру на лестницу.

— В доме есть посторонний! — крикнула она охраннику.

— Проверьте второй этаж снаружи, не входя к нам.

— Датчики чистые, — ответил он.

Точно те же слова, что сказал Антон.

На верхней площадке медленно открылась дверь спальни. Из тёмного проёма никто не вышел. По полу протянулась

полоска света, хотя в комнате раньше было темно.

Затем из-за двери показался рукав светлой детской куртки.

Кто-то держал её за капюшон, оставаясь невидимым.

С рукава на ступень упала тёмная капля.

Соня судорожно вдохнула.

Марина продолжала снимать.

— Это не моя куртка, — громко сказала Соня. — Я вижу её впервые.

За дверью наверху тихо рассмеялись.

Не Антон. Другой мужчина.

Куртка исчезла в комнате. Дверь закрылась.

Охранник за воротами снова взялся за цепь, словно ничего не видел.

— Антон Сергеевич будет через двадцать минут, — сказал он. — До его приезда оставайтесь на первом этаже.

Теперь это звучало не как совет.

Глава 6. Машина за снегом

Марина не ответила охраннику.

Она отвела Соню от лестницы в кухню, где между ними и вторым этажом были две стены. Дверь закрывать не стала: щелчок замка мог вызвать ещё один сигнал. На столе лежал нож, оставленный кем-то возле хлебной доски. Марина убрала его в дальний ящик. Человек наверху мог быть вооружён, но кухонный нож не делал их безопаснее. Он только добавлял в будущую запись предмет, который легко назвать оружием.

— Он спустится? — спросила Соня.

— Пока не спустился.

— Потому что ждёт Антона?

— Не знаю.

— Он настоящий охранник?

Марина посмотрела через окно. Мужчина у ворот ходил вдоль створок и говорил по телефону. Нашивка была, удостоверения не было. Машина оставалась за поворотом, виден был только синий отблеск на снегу.

— Он работает с Антоном. Это всё, что можно сказать.

— Значит, не поможет.

— Нам — нет.

Соня поставила на стол свой телефон. Карта памяти оставалась во внутреннем кармане, сам аппарат работал без кар-

ты и сети.

— Если тот сверху спустится, снимаем или убегаем?

— Убегаем в другую комнату. Снимаем, только если это не задерживает.

— Куда? Все выходы закрыты.

Марина развернула бумажный план дома из папки Ирины. План был старым, нарисованным для газовой службы. Кухня, гостиная, кладовая, гараж. За котельной обозначался узкий технический лаз к наружной стене. Ирина называла его угольным окном, хотя углём дом не топили много лет. Снаружи оно выходило под террасу и было закрыто решёткой.

— Здесь можно выбраться? — спросила Соня.

— Ребёнком я пролезала. Сейчас не знаю.

— Я пролезу.

— Решётка могла заржаветь или быть приварена.

— Проверим.

Они не двинулись сразу. Марина сняла план и положение ножа в ящике, затем записала время. Сверху было тихо. Охранник снова ударил по воротам, будто проверял привод.

Из-за поворота показался чёрный внедорожник.

Он ехал медленно, без фар, раздвигая рыхлый снег широким бампером. Передняя площадка для номера была пустой. Заднюю они не видели. Машина остановилась не у ворот, а поперёк дороги, закрыв въезд и обзор со стороны леса.

— Антон? — спросила Соня.

— Не вижу водителя.

Охранник подошёл к пассажирской двери. Стекло опустилось на несколько сантиметров. Он наклонился, выслушал кого-то и показал на дом.

Марина включила увеличение камеры. Качество распадалось на квадраты, но пустая рамка номера была видна. На лобовом стекле не было пропуска, на двери — знака компании.

— Та машина была у школы, — сказала Соня.

Марина вспомнила тёмный внедорожник у ограды, частично скрытый автобусом. Она записала цвет и форму, но номера тогда тоже не увидела.

— Похожая.

— Та же.

— Не можем подтвердить.

— Я могу. У неё справа царапина над колесом.

Марина увеличила кадр. На переднем крыле действительно проходила светлая дуга.

— Ты заметила её у школы?

— Когда мы выезжали. Я подумала, что машина задела столб.

— Запиши это своими словами и время, когда вспомнила.

— Ты мне веришь?

— Верю, что ты это помнишь. Запись нужна не потому, что не верю.

Соня взяла блокнот. Марина не смотрела, что она пишет. Дверь внедорожника открылась. Вышел второй мужчина

в тёмной куртке без формы. Он был ниже охранника, двигался быстро и не закрывал лицо. Марина его не знала. Мужчина достал из багажника длинный чёрный чехол.

Соня отступила от окна.

— Там ружьё?

— Чехол может быть для инструмента.

Он расстегнул его у ворот. Внутри лежал не ствол, а металлическая штанга с мотором и катушкой провода. Мужчина перенёс устройство к приводу ворот, опустился на колени и начал снимать крышку.

— Мастер, — сказала Соня.

— Возможно.

— Ты можешь один раз обрадоваться?

— Если он откроет ворота и отойдёт.

Мужчина подключил провод к механизму. Створки дрогнули, разошлись на ширину ладони и снова встали. Он что-то сказал охраннику. Тот посмотрел на дом.

— Привод повреждён! — крикнул охранник. — Нужен доступ изнутри!

— Доступа не будет! — ответила Марина. — Откройте створки вручную!

— Защита держит. Вы сорвали датчик.

— Датчик установлен вашей компанией без согласия собственности.

— Документы у Антона Сергеевича.

Мужчина с инструментом снял перчатку, провёл рукой

под приводом и что-то поднял из снега. Маленький светлый предмет. Показал охраннику, затем спрятал в карман.

— Он забрал что-то, — сказала Соня.

Марина сохранила кадр. Предмет был слишком мал, чтобы рассмотреть.

Внедорожник дал задний ход и исчез за снежным валом у поворота. Он не уехал: над сугробом оставалась видна крыша. Водитель поставил машину так, чтобы из дома нельзя было снять двери и людей рядом с ними.

— За снегом, — сказала Соня.

— Да.

Мужчина с инструментом прошёл вдоль забора к правому углу участка. Охранник остался у ворот. Через минуту со стороны котельной послышался скрежет металла.

Марина посмотрела на план.

— Угольное окно.

Они пошли в котельную. Не бегом, но быстро. Дверь находилась под лестницей; войти можно было из кухни. Внутри стояли котёл, насос, мешки с солью и старый деревянный сундук. За ним, почти у пола, темнела прямоугольная дверца.

Решётка снаружи дрожала. Кто-то работал инструментом по креплению.

— Они открывают нам выход? — прошептала Соня.

— Или себе вход.

Марина подвинула к дверце тяжёлый сундук. Соня помог-

ла, упираясь ботинками в бетон. Внутри звякнули банки и старые ключи. Они поставили сверху два мешка соли.

Скрежет прекратился.

Снаружи постучали три раза.

— Охрана! Отойдите от технического люка!

Марина включила запись.

— Вы не имеете согласия на вход! Назовите себя!

— Техник Корнеев. Выполняю разблокировку.

— Покажите удостоверение в кухонное окно и откройте ворота снаружи.

— Снаружи невозможно. Нужно снять внутренний замок привода.

В старом плане никакого привода не было. Если техник пролезет через окно, он окажется внутри запертого дома с двумя людьми, которые прямо отказали ему в доступе.

— Не входите, — сказала Марина. — Здесь несовершеннолетняя. Полиция вызвана.

— Вы препятствуете аварийным работам.

— Работы не заказывали.

Ответа не последовало. Через несколько секунд за стеной хрустнул снег. Техник ушёл.

— Он назвал фамилию, — сказала Соня.

— Запиши.

— Настоящую?

— Не знаем. Но теперь есть то, что он назвал.

Сверху снова прошли. На этот раз шаги двигались от

спальни к лестнице. Марина выключила свет в котельной. Под дверью лежала яркая полоса из кухни.

Первая ступень скрипнула.

Соня прижалась к стене. Марина подняла фонарь. Она чувствовала удары сердца в горле, но дыхание оставалось ровным. Это не делало ситуацию менее опасной и не превращало страх в болезнь.

Вторая ступень.

Третья.

Потом шаги остановились.

Из гостиной раздался звонок проводного телефона. Человек на лестнице не двигался, пока аппарат звонил пять раз. Затем шаги пошли вверх.

— Он слушает команды, — прошептала Соня.

— Или не хочет показываться людям снаружи.

— Они свои.

— Вероятно.

Марина поняла, что слишком часто повторяет это слово, но сейчас оно не раздражало Соню. Девочка прислушивалась к потолку.

Они вышли из котельной и закрыли дверь. Сундук оставили у люка. В гостиной часы показывали два сорок семь. Папка описи лежала на месте, но прозрачный карман на обложке теперь был открыт.

Марина остановилась.

— Мы его закрывали, — сказала Соня.

— Да.

Из кармана торчал узкий белый ярлык. Раньше его не было. Марина не подошла ближе, сняла из коридора. На ярлыке читалось: «ЛЩ-КОНТРОЛЬ. Пломба 847196».

— Пломба от часов? — спросила Соня.

— Может быть от любого оборудования.

— Он подложил, пока мы были в гараже.

— Или позже, когда мы были в котельной.

Марина приблизила кадр. Пломба была разорвана посередине; один край сохранял прозрачный клей. Серийный номер совпадал с последними цифрами блока за часами — она проверила прежнее видео.

— Совпадает, — сказала Соня.

— Да.

Это связывало устройство с компанией Антона, но лежало там, где пломбу могли объявить найденной у Марины после повреждения. Брать её означало оставить отпечатки и дать повод обвинить в изъятии. Оставить — позволить человеку наверху убрать.

— Снимем на месте, — сказала Марина.

Они записали общий план от часов до папки, крупный номер и совпадение на видео. Соня отдельно прочитала номер вслух. Марина не касалась ярлыка.

За окном техник вернулся к воротам. Он и охранник спорили тихо. Затем оба пошли к внедорожнику за снежным валом.

— Сейчас, — сказала Соня. — Можно снять следы.

— На улицу не выходим.

— Они отошли.

— Человек наверху остался. И двери заблокированы.

Соня показала на кухонное окно.

— Маленькая створка без скобы. Я видела.

Верхняя форточка действительно открывалась. Взрослый через неё не пролез бы, Соня могла. Снаружи до земли было почти два метра, но под окном лежал сугроб.

— Нет, — сказала Марина.

— Даже не посмотрела.

— Посмотрела. Высоко, снег неизвестной глубины, рядом люди.

— Следы заметёт.

— Твои ноги важнее протектора.

— А потом ты скажешь, что доказательств не осталось.

— Я скажу, что не отправила тебя из окна ради фотографии.

Соня отвернулась. Марина понимала её злость: девочка искала действие, которое принадлежало бы ей, а получала очередной запрет. Но различие между защитой и контролем не исчезало от хорошего намерения. Его приходилось каждый раз проводить заново.

— Есть другой способ, — сказала Марина.

В кладовой стояла телескопическая щётка для крыши. Марина прикрепила к ней телефон ремешком, включила ви-

део и высунула через форточку. Экран оставался виден под углом. Она провела камерой вниз: стена, сугроб, дорожка к воротам. Затем повернула к повороту.

За снежным валом стоял внедорожник. Задняя площадка номера тоже была пуста. Двигатель работал, из трубы шёл пар. Возле правого заднего колеса виднелся свежий отпечаток протектора — широкие поперечные блоки и узкая волнистая канавка в центре.

Соня держала палку, Марина направляла телефон.

— Ниже, — сказала Соня. — Там что-то синее.

В снегу возле колеи лежал обрывок пластика. Они приблизили камеру. Синий прямоугольник с белой птицей и остатком номера.

— Ещё одна пломба, — сказала Соня.

Марина сняла общий план: машина, колея, предмет. Потом отдельно протектор рядом с краем старой доски, торчащей из снега. Масштаб был неточным, но рисунок читался.

Водительская дверь открылась.

— Убирай! — сказала Марина.

Они втянули палку. Телефон ударился о раму, но не выпал. Форточку закрыли.

Через несколько секунд техник подошёл к кухонному окну. Его лицо появилось за стеклом внезапно. Соня отшатнулась.

Мужчина показал раскрытое удостоверение. Пластик был слишком далеко, имя не читалось. Он держал его две секун-

ды, затем убрал.

— Я представился, — сказал он через стекло. — Теперь откройте.

— Поднесите документ к стеклу и держите, — ответила Марина.

Он усмехнулся.

— Вы только что снимали частную машину без согласия.

— Машина без номеров перекрыла дорогу к дому несовершеннолетней.

— Номера сняли, чтобы не повредить при работах.

— Покажите их.

— Вы не инспектор.

— И вы не войдёте.

Техник посмотрел поверх её плеча на часы. Потом на папку. Он знал, где лежит пломба.

— Вы сорвали контрольную наклейку, — сказал он. — Это зафиксировано системой.

— Мы не касались наклейки. Она находится в кармане папки, куда её положил человек, находящийся в доме.

Лицо мужчины изменилось всего на мгновение.

— В доме никого нет.

— Тогда почему вы это знаете?

— Датчики показывают.

— Датчики не показали вас у технического люка, пока вы не назвались.

Он постучал пальцем по стеклу.

— Антон Сергеевич едет. Советую успокоиться.

Соня встала рядом с Мариной.

— Вы заперли меня в моём доме. Я не разрешаю вам входить.

Техник посмотрел на неё дольше, чем требовалось.

— Тебя никто не запирает. Твоя тётя сломала систему.

— Я видела. Она не снимала часы.

— Ты испугалась и могла не заметить.

— Не говорите мне, что я заметила.

Соня подняла телефон. Мужчина отвернулся и пошёл к воротам.

— Хорошо сказала, — произнесла Марина.

— Не надо меня хвалить как на приёме.

— Хорошо.

— Просто запиши.

Марина записала точные слова.

Внедорожник выехал из-за вала. На этот раз он развернулся кормой к дому. Пустая площадка номера попала в кадр обоих телефонов. Машина прошла вдоль ворот и остановилась у сарая с внешней стороны забора. Водитель не выходил.

Техник подключил штангу к проводу у столба. Охранник открыл небольшой металлический ящик на створке. Из него достали катушку, похожую на ту, что была в чехле. Марина снимала через окно.

Ворота дёрнулись. Между створками появилась щель в

двадцать сантиметров.

— Они могут открыть, — сказала Соня.

— Да.

Техник ослабил привод ещё немного, затем остановился. Охранник просунул руку в щель и закрепил внутри короткую стальную распорку. Теперь створки нельзя было ни закрыть, ни раздвинуть.

— Зачем?

— Чтобы показать поломку и не дать выехать.

Марина произнесла это как вывод и сразу добавила на записи:

— Я вижу, как сотрудник устанавливает предмет между створками после частичного открытия.

Охранник заметил камеру и показал рукой, чтобы она отошла от окна.

Со второго этажа донёсся удар. Потом ещё один. Человек наверху двигал что-то тяжёлое.

Марина направила телефон на лестницу. Соня — на ворота. Две записи расходились и поэтому не могли быть одним отретипированным рассказом.

В верхнем коридоре появился мужчина. На нём был серый рабочий комбинезон и бахилы. Лицо закрывала медицинская маска. В руках он держал синюю пластиковую коробку.

Он спустился на одну ступень.

— Не приближайтесь! — сказала Марина.

Мужчина остановился.

— Комиссия, — произнёс он.

— Назовите имя.

— Осмотр имущества.

— Комиссия не входит тайно и не прячет лицо. Положите коробку и поднимитесь обратно.

Он посмотрел на часы, затем на кухонное окно. Техник снаружи тоже смотрел внутрь.

— Вы мешаете описи, — сказал человек на лестнице.

Точная фраза из заранее составленного акта.

— Вы вошли без согласия собственницы до нашего приезда, — сказала Марина. — Вы находились наверху и показывали куртку. Всё записано.

— Ничего я не показывал.

— Я видела вас, — сказала Соня.

— Ты могла испугаться.

Слова техника и человека в доме совпали почти дословно.

Мужчина поставил синюю коробку на ступень. Крышка открылась. Внутри лежали аптечные упаковки.

— Ваши вещи, Марина Викторовна, — сказал он.

— Не мои.

— Нашли в спальне.

— Не прикасайтесь к ним. Ждите полицию.

— Полиция уже получила сообщение, что тревога ложная.

Марина почувствовала холод, не связанный с температу-

рой. Надежда вызвала 112, но Антон уже один раз перехватил объяснение. Его люди могли снова сообщить, что помощь оказана и конфликт семейный.

Соня включила свой телефон и подняла его выше.

— Назовите имя, — сказала она.

Мужчина на лестнице закрыл коробку.

— Не снимай меня.

— Тогда уйдите из моего дома.

Он сделал ещё один шаг вниз.

Марина встала перед Соней.

— Остановитесь.

За окном взревел двигатель внедорожника. Машина резко тронулась вдоль забора, подняв снежную пыль. На секунду весь двор исчез в белом облаке.

Когда снег осел, техника и охранника у ворот не было. Внедорожник снова стоял за валом. Стальная распорка оставалась между створками.

Человек на лестнице прислушался к чему-то в наушнике под маской. Затем поднял коробку и пошёл обратно наверх.

— Куда вы несёте лекарства? — крикнула Марина.

Он не ответил. Дверь спальни закрылась.

На нижней ступени осталась мокрая бахила. С её края на дерево стекала тёмная жидкость.

— Кровь? — спросила Соня.

— Не знаем.

Марина сняла общий план, не подходя. Запах из коридо-

ра был сладковатым и химическим, не похожим на железо. Возможно, краска или сироп.

За воротами снова появился охранник.

— Спокойно ждите! — крикнул он. — Антон Сергеевич задерживается.

— В доме посторонний с лекарствами! — ответила Марина. — Вы обязаны вызвать полицию.

— Наш сотрудник проводит осмотр.

Он признал связь.

Марина повторила медленно, чтобы оба телефона записали:

— Вы подтверждаете, что мужчина, тайно находящийся на втором этаже, — сотрудник вашей компании?

Охранник понял ошибку и отвернулся.

Внедорожник за снежным валом начал сдавать назад. Колёса пробуксовали, оставляя глубокий рисунок. Из-под правого колеса вылетела синяя пломба и легла на чистый снег ближе к воротам.

Теперь на видео были одновременно пустая площадка номера, характерный протектор и знак компании.

Машина развернулась и ушла за поворот. Синий маячок погас. Техник уехал с ней. Охранник остался один у неисправных ворот.

— Они не ждут Антона, — сказала Соня. — Они что-то закончили.

Марина посмотрела на часы, папку и тёмную каплю на

ступени.

Сверху зашумела вода.

Человек в спальне открыл кран или выливал что-то в раковину. Через минуту по стене рядом с лестницей поползло влажное пятно.

Он уничтожал следы или создавал новые.

Марина открыла свой блокнот.

— Внедорожник без переднего и заднего номеров, светлая царапина над правым передним колесом, — продиктовала она. — Рисунок протектора: широкие поперечные блоки, волнистая канавка по центру. Синяя пломба со знаком «Лебедь-Щит» выпала из-под правого заднего колеса. Время четырнадцать пятьдесят девять.

Соня записывала отдельно.

— И мужчина признал, что тот наверху их сотрудник, — сказала она.

— Да.

— Это уже не «возможно»?

— Нет. Он назвал его нашим сотрудником. Это записано.

Соня подняла голову. В её лице впервые за этот день появилось не облегчение, а твёрдость.

— Тогда мы не одни против слова Антона. У нас есть их слова друг о друге.

Марина кивнула.

На улице снова пошёл снег. Крупные хлопья падали почти вертикально, быстро смягчая края колеи. Через полчаса

протектор исчезнет. Пломба останется под белым слоем, если охранник не подберёт её раньше.

Марина не отправила Соню через окно. Не вышла сама. Они продолжили снимать из дома, пока след медленно заметало.

Доказательство исчезало у них на глазах, но решение не рисковать ребёнком оставалось правильным. Марине пришлось повторить это про себя дважды, прежде чем она смогла поверить.

Глава 7. Запись о панике

— Я скажу, что не отправила тебя из окна ради фотографии.

Соня не спорила. Она отвернулась от окна и вытерла ладонью запотевшее стекло, словно хотела увидеть не двор, а собственное отражение. За снежным валом торчала крыша внедорожника. Охранник и техник скрылись рядом с ним. Во дворе никого не было, но пустота казалась приготовленной: выйди, сделай три шага, дай камерам нужную картинку.

Наверху открыли воду.

Сначала зашипела труба, потом по стояку пошли тяжёлые удары. Человек в спальне не прятался. Он сообщал о себе каждым поворотом крана и знал, что Марина не поднимется проверять.

— Он смывает кровь? — спросила Соня.

— Мы не знаем, что было на куртке.

— А если кровь настоящая?

Марина посмотрела на лестницу. Ответ «тогда там мог пострадать человек» был правдивым и бесполезным. Ответ «это краска» успокаивал бы только до следующей капли.

— Тогда осмотр покажет, чья она. Наша задача — не дать сделать вид, будто куртку нашли у нас.

— Они уже сделали вид.

— На своей камере. На наших записях видно, когда она

появилась.

Соня убрала телефон во внутренний карман и застегнула молнию до подбородка. Марина подумала, что девочка мёрзнет, хотя в доме было тепло. Потом увидела её пальцы: они не дрожали. Соня не согревалась, она защищала карту памяти.

Проводной телефон в гостиной зазвонил.

Один раз.

Второй.

Марина не двинулась. После пятого звонка аппарат обычно включал громкую связь сам, но на этот раз звонки не прекращались. Шестой, седьмой, восьмой. Звук разносился по дому и возвращался из пустых комнат.

— Не бери, — сказала Соня.

— Не возьму.

На девятом звонке что-то щёлкнуло за часами. Экран телефона Сони вспыхнул, хотя она его не касалась. Из динамика раздался шум городской кухни: работающий холодильник, стук чашки о стол, торопливое дыхание.

Соня вытащила аппарат, но не разблокировала. На экране шла чёрная полоса с движущейся белой точкой. Ни названия файла, ни кнопки остановки.

— Это опять та запись, — сказала она.

Марина узнала собственное дыхание раньше голоса.

«Закрой дверь».

Слова были произнесены год назад. Тихо, почти без воз-

духа.

Потом голос Сони, моложе и выше:

«Там никого нет».

«Закрой. Он в подъезде».

В записи хлопнула дверь. Кто-то — Соня — подошёл к окну. Марина помнила жёлтый прямоугольник двора, мокрый мартовский снег, человека у мусорных баков. Она тогда не видела его лица. Через минуту мужчина ушёл к другой машине, а страх остался в квартире и занял всё место.

«Тётя Марина, дыши. Я сейчас Надежде Петровне позво-
ню».

«Не звони ей».

Запись оборвалась на скрежете стула.

Телефон в гостиной продолжал звонить. Белая точка на экране замерла посередине полосы.

— Это не тот кусок, — сказала Соня.

— Длиннее.

— Почему у них длиннее?

Марина знала один возможный ответ. В квартире стояла сигнализация компании Антона. После развода она сменила код, но не блок, потому что замена стоила денег и казалась лишней. Система включала микрофон при тревоге. Она ни разу не нажимала тревожную кнопку, но блок мог работать без неё.

— Возможно, запись была в нашей сигнализации.

— Ты знала?

— Нет.

Это «нет» прозвучало слишком быстро. Соня подняла глаза.

— Что ты знала?

Марина услышала наверху короткий удар. Человек передвинул что-то тяжёлое. В гостиной зазвонило в двенадцатый раз. Всё подталкивало к одному решению: отложить разговор, сослаться на опасность, сказать девочке, что сейчас не время. Так она поступила год назад. Сначала дождалась врача, потом утра, потом разговора с куратором. К каждому следующему часу правда становилась дороже.

— Я знала, что сигнализация пищит звук после вызова охраны, — сказала Марина. — Не знала, что она могла включиться сама и сохранить весь разговор.

— Она включилась сама?

— Не уверена. Я нажала кнопку на брелоке. Не помню, какую.

— Ты говорила, что ничего не помнишь.

— Я помню кусками.

Телефон умолк. Тишина после него оказалась хуже звона. Соня смотрела на Марину так, будто ждала продолжения файла.

— Расскажи всё, что помнишь, — сказала она.

— Сейчас человек наверху.

— Он и через час будет наверху. А Антон включит дальше, когда захочет.

Марина кивнула. Это была не просьба ребёнка помочь взрослому оправдаться. Соня требовала вернуть ей собственный вечер, который взрослые уже год резали на удобные части.

Они перешли в кухню. Марина выбрала место, откуда были видны лестница и дверь котельной. Телефоны положили на стол экранами вверх. Запись не запускали: рассказ Соне не должен был превращаться в представление для будущей комиссии. Но Соня достала блокнот.

— Я запишу, что ты сказала сейчас. Потом ты не сможешь сказать, что говорила другое.

— Запиши.

— И время.

— Да.

Соня посмотрела на часы на плите. Они отставали на семь минут, и Марина напомнила об этом. Девочка записала оба показания.

— Начинай с человека во дворе.

Марина положила руки на стол. Дерево было тёплым возле батареи и холодным у края.

— За неделю до приступа я дважды видела одну машину у школы. Тёмную, похожую на ту, что стоит за воротами. Я не видела номер и не могу сказать, что это была она. В первый раз водитель сидел внутри. Во второй — мужчина стоял у ограды.

— Антон?

— Я решила, что Антон.

— Решила или увидела?

— Решила. Лица не видела.

Соня записала. Не исправила слово на более удобное.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что раньше я иногда принимала чужих людей за него. Видела похожую куртку или походку. После развода это случалось несколько месяцев. Я боялась опять ошибиться.

— А полиции?

— Не сказала.

— Надежде Петровне?

— Не сказала.

— Доктору?

Марина почувствовала знакомое сжатие под рёбрами. Не приступ — память тела о том, как он начинался.

— Врач спросил, чего я испугалась. Я сказала, что мне стало плохо без причины.

— А человеку из опеки ты сказала, что меня дома не было.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты вызвала помощь и открыла дверь врачу. Мне показалось, что опека решит: я оставила тебя отвечать за взрослого, который не может дышать и не понимает, где находится.

— Так и было.

— Да.

Слово не развалило дом. Не погас свет. Не вернулось дыхание из записи. Соня только сильнее нажала ручкой, и бумага под строкой продавилась.

— Что ещё?

— Я просила тебя не звонить Надежде Петровне. Ты всё равно позвонила врачу.

— Я позвонила ей сначала. Она не взяла трубку.

Марина этого не помнила.

— Потом я набрала сто двенадцать, — продолжила Соня. — Они велели открыть дверь и убрать ключ из замка. Ты забрала у меня телефон.

Перед глазами Марины мелькнула синяя крышка телефона, зажата в ладони. Она сидела на полу у тумбы. Соня пыталась вытащить аппарат, а Марина повторяла, что человеку за дверью нельзя знать, что они дома.

— Да, — сказала Марина. — Забрала.

— И отключила звонок.

— Я нажала на экран. Не знаю, отключила ли.

— Диспетчер перезвонила. Я услышала из твоей руки.

Марина закрыла глаза на секунду. Не чтобы вспомнить — чтобы перестать защищаться от уже названного.

— Значит, отключила.

— Потом я отобрала телефон.

— Да.

— Ты ударилась головой?

— Не знаю.

— Вот это ты всегда говоришь.

— Я действительно не знаю. У меня болел затылок утром, но шишки не было. Я могла удариться о тумбу, когда садилась.

— Или упасть.

— Могла.

Соня положила ручку.

— Ты не просто испугалась и тяжело дышала. Ты пыталась не пустить врача.

— Да.

— А потом сказала опеке, что я была у Надежды Петровны.

— Да.

— Она соврала вместе с тобой?

— Нет. Я попросила её подтвердить, что ты часто бываешь у неё после школы. Не сказала, для какого дня. Она не знала, что я использую это как ответ.

— Удобно.

— Подлю.

Соня подняла голову. Марина не стала заменять слово. Она обошла вопрос так, чтобы соседка не произнесла прямой лжи, и потом долго называла это защитой частной жизни.

На втором этаже закрылась дверь. Медленно, без хлопка. Человек услышал разговор или закончил свою работу.

Соня сунула блокнот в карман.

— Он идёт?

Они прислушались. Ступени молчали.

Телефон Марины завибрировал на столе. Сети не было, но экран показал входящий вызов: «Антон». Под именем вместо номера стояла надпись «Домовая линия».

— Не бери, — сказала Соня.

Марина не коснулась аппарата. Вызов перешёл на громкую связь сам.

— Марина, — сказал Антон. — Теперь поговорим без игры в молчание.

Голос звучал чисто, будто он находился в соседней комнате. В нём не было раздражения. Этим голосом он раньше обсуждал с сотрудниками счета и замену замков.

— Откройте ворота, — сказала Марина.

— Сначала обеспечим безопасность Сони.

— Откройте ворота и уберите своих людей из дома.

— Моих людей в доме нет.

Наверху скрипнула половица.

Соня посмотрела на потолок и включила запись на своём телефоне. Марина не стала комментировать ложь Антона. Если он хотел произнести её ясно, пусть произносит.

— Ты слышала запись, — продолжил он. — Я не собирался использовать её, пока ты вела себя разумно.

— Откуда она у вас?

— У компании есть архив тревожных событий. Ты под-

писала договор.

— Договор не разрешает включать запись несовершеннолетней через домашнюю систему.

— Я сейчас не о договоре. Ты заперлась в доме, повредила оборудование, не допускаешь специалистов и держишь рядом девочку. Передай трубку Соне.

— Я здесь, — сказала Соня, не подходя к телефону.

Антон помолчал. Он ожидал другой Сони — той, которую можно вызвать по имени и заставить подойти к аппарату.

— Сонечка, тебе нужно выйти к воротам, — сказал он мягче. — Я отвезу тебя в город.

— Ворота закрыты вашей железкой.

— Их откроют, когда ты будешь готова. Одна.

— Почему одна?

— Марине нужно дожидаться комиссии и врачей.

— Каких врачей?

— Которые смогут ей помочь.

Соня сжала губы. Марина видела, как готов ответ, но девочка посмотрела на неё. Не за разрешением — проверяла, не начнёт ли Марина говорить вместо неё.

— Вы мне не родственник и не опекун, — сказала Соня.

— Я с вами не поеду.

— Мы десять лет были семьёй.

— Вы были мужем тёти. Потом поставили камеры в доме моей мамы.

— Ты напугана. Я понимаю.

— Вы не знаете, что я чувствую.

— Я знаю, что Марина скрыла от тебя серьёзность своего состояния.

— Она скрыла не от меня. Она скрыла от опеки.

— Это ещё хуже.

Марина не вмешалась. Фраза была жестокой, но не ложной. Соня ждала, что Антон попробует превратить её злость в согласие.

— Поэтому сегодня, — сказал он, — ты временно перейдёшь под мою ответственность. Только до обследования Марины.

— По какому документу?

— Документы оформят.

— Уже оформили? Как опись?

В трубке что-то стукнуло. Антон переставил телефон или закрыл микрофон рукой. Когда он заговорил снова, мягкости стало меньше.

— Марина, прекрати втягивать ребёнка в конфликт взрослых.

— Соня задала вопрос сама. По какому документу вы требуете передать вам несовершеннолетнюю?

— По заявлению о немедленной угрозе. У меня есть люди, готовые подтвердить твоё состояние.

— Те, которые заперли ворота?

— Те, которых ты не допускаешь осмотреть повреждённую систему.

— Назовите орган, принявший решение.

— Ты опять прячешься за формулировками.

— Решение есть?

Антон не ответил. Вместо него телефон проиграл следующий фрагмент прошлогодней записи.

«Не открывай!» — кричала Марина.

Соня год назад отвечала: «Это врач, я вижу машину».

«Они не врачи. Антон их прислал».

В записи грохнул предмет, затем раздался плач. Не Со-нин. Марина услышала себя и не сразу узнала.

«Отдай телефон. Отдай мне».

Голос девочки стал резким:

«Ты делаешь больно».

Фрагмент оборвался.

В кухне никто не говорил. Марина смотрела на свои руки. Год назад она схватила Соню за запястье. Не ударила, не толкнула — именно так она потом формулировала врачу. На коже девочки остались красные полосы от пальцев. Утром они исчезли, и Марина позволила себе считать, что ничего не произошло.

— Ты это не рассказала, — сказала Соня.

— Нет.

— Почему?

— Потому что боялась, что ты помнишь иначе.

— Я помню.

— Я тоже. Теперь — помню.

— Нет, — сказала Соня. — Ты помнила. Просто не сказала.

Марина хотела возразить и не смогла. В памяти был не весь вечер, но пальцы на тонком запястье она помнила всегда. Она спрятала этот кусок не только от опеки. Даже в собственном рассказе он превратился в попытку забрать телефон.

— Да, — сказала она. — Это я помнила.

Антон слушал. Наверняка видел их через камеру или слышал через блок. Он дал паузе растянуться, а затем заговорил почти сочувственно:

— Соня, подойди к воротам. Тебе не нужно её защищать.

— Я её не защищаю.

— Тогда выходи.

— Нет.

— Почему?

Соня встала. Стул коротко скрипнул по полу. Марина тоже поднялась, думая, что девочка пойдёт к двери. Соня пошла не к выходу, а к телефону.

— Потому что вы заперли нас с человеком наверху, — сказала она прямо в микрофон. — Потому что ваш охранник не показал удостоверение. Потому что вы заранее написали, что здесь нашли лекарства и кровь. И потому что вы включаете запись не целиком, а кусками, когда вам удобно.

— Это Марина тебе сказала?

— Я умею слышать.

— Тогда услышь всё. После следующего фрагмента ты поймёшь, почему она должна остаться здесь.

Марина увидела, как на телефоне снова появилась белая точка.

— Стойте, — сказала она.

Антон усмехнулся.

— Боишься полной правды?

— Нет. Соня, тогда после врача я просила тебя сказать, что ты была у Надежды Петровны. Ты отказалась. Я сказала, что если опека узнает, нас могут разлучить и ты попадёшь в приют. Я напугала тебя, чтобы ты молчала.

Белая точка двигалась, но звук ещё не начался.

Соня не моргнула.

— Я помню.

— Я сказала, что всё зависит от тебя. Это было неправдой. Решение скрыть случившееся приняла я.

— Зачем ты говоришь это ему?

— Я говорю тебе. Он всё равно слушает.

— Марина, — вмешался Антон, — ты сейчас признаёшь психологическое давление на ребёнка.

— Я признаю Соне, что переложила на неё свой страх. Не вам.

— Запись не различает, кому ты признаёшь.

— Зато Соня различает.

Белая точка вернулась в начало. Антон остановил файл. Его преимущество исчезло не потому, что Марина оправда-

лась. Оправдания не было. Она просто перестала ждать, когда он выдаст следующий кусок.

— Ты думаешь, честность задним числом вернёт тебе право опеки? — спросил он.

— Это будет решать не ваша компания.

— Решат люди, которым я передам записи.

— Передайте целиком, вместе с данными о времени, включении микрофона и доступе к архиву.

— Ты не в положении ставить условия.

— Это не условие. Я сообщаю, что потребую полный файл и журнал доступа.

На лестнице скрипнула первая ступень.

Марина подняла руку, показывая Соне молчать. Телефон продолжал передавать дыхание Антона. Вторая ступень прогнулась. Потом третья.

Человек наверху спускался.

Соня забрала оба телефона. Марина отступила к двери котельной. Там был сундук, которым можно подпереть внутреннюю дверь, и узкий люк, но человек снаружи уже пытался его открыть. Гараж давал больше пространства, однако из него не было выхода. Кухня оставляла окно.

— Ваш человек идёт вниз, — сказала Марина.

— В доме нет моих людей.

— Тогда вызовите полицию: в доме посторонний.

— Я уже вызвал помощь для Сони.

На площадке показался ботинок в бахиле. Потом край се-

рой штанины. Мужчина остановился так, чтобы лицо осталось за поворотом. В руке он держал прозрачный пакет с мокрой светлой курткой. Тёмного пятна на ткани больше не было.

Соня направила камеру на лестницу.

— Там нет крови, — сказала она.

Мужчина качнул пакет. Снизу на пол упала вода.

— Не приближайтесь, — сказала Марина.

Он спустился ещё на одну ступень. Теперь было видно белую медицинскую маску и капюшон. Под курткой висела карточка обратной стороной наружу.

— Комиссия должна осмотреть ребёнка, — произнёс он тем же изменённым голосом.

Из телефона Антон сказал:

— Выполняй.

В кухне стало так тихо, что команда прозвучала и из аппарата, и из динамика за часами с небольшой задержкой.

Мужчина застыл.

Соня приблизила камеру к телефону, потом снова к лестнице.

— Вы только что сказали ему выполнять, — сказала она.

Антон отключил вызов.

Экран Марины погас. Домовая линия исчезла, будто разговора не было. Но у Сони запись продолжалась, и на ней остались голос, шаги и мокрая куртка без пятна.

Мужчина развернулся и быстро поднялся. На площадке

он задел плечом перила. Карточка качнулась, на секунду показав красный знак «Лебедь-Щита» и часть фамилии: «...НЕЕВ». Затем дверь спальни захлопнулась.

За окном взревел двигатель. Внедорожник выехал из-за снежного вала, сдал к воротам и снова остановился. Охранник вернулся к створкам. Он посмотрел на кухонное окно, прижал телефон к уху и отвернулся.

— Он сказал, что в доме нет его людей, — произнесла Соня.

— Да.

— А потом приказал.

— Да.

— Это доказательство?

Марина не хотела обесценивать первую ясную ошибку Антона. Но слово «доказательство» уже стало в доме приманкой, ради которой они могли забыть о выходе.

— Это запись противоречия. Её нужно сохранить. Одной её мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.